

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

**Была ли модернизация
при Тюдорах?**

Препринт М-103/24

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2024

УДК 33(7)
ББК 65.6
У74

Усанов П. В.

У74 **Была ли модернизация при Тюдорах?** / Павел Усанов : Препринт М-103/24. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. — 56 с. — (Серия препринтов; М-103/24; Центр исследований модернизации).

Препринт посвящен периоду правления династии Тюдоров в Англии (1485–1603 годы). Традиционно считается, что именно с Тюдоров началась модернизация английской политики, экономики и общества. Автор показывает, что факты свидетельствуют об отсутствии значительного прогресса в указанный период. Непоследовательные реформы в экономике при Тюдорах не могут объяснить причину промышленной революции, случившейся только через двести лет после Елизаветы Тюдор. Однако в Англии совершенно по-особенному протекала реформация, что обусловило уникальность английской истории по сравнению с историей континентальных стран. В препринте показывается, как правление Тюдоров непреднамеренно «расшатало» в Англии религиозные скрепы, породив движение к веротерпимости без масштабных религиозных войн, что были характерны для стран, где распространялись идеи М. Лютера (1483–1546) и Ж. Кальвина (1509–1564). Научная революция XVII века, разделившая науку и религию, стала реакцией на бесперспективность религиозных споров и войн.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Института Хайека (usanovpv@mail.ru).

*В царственной столовой
портрет был Генриха Восьмого —
тугие икры, борода —
работы пышного Гольбайна;
в столовой той, необычайно
высокой, с хорами, всегда
бывало темновато, даром,
что фиолетовым пожаром
от окон веяло цветных.*

В. Набоков. Университетская поэма [Набоков 2000, т. I: 563]

*[Английский] народ лучше всех народов сумел
воспользоваться тремя элементами, имею-
щими великое значение: религией, торговлей
и свободой.*

Шарль Луи Монтескье [Монтескье 2023: 392]

В предыдущем препринте я показал то, что вызвало промышленную революцию в Англии именно в конце XVIII века [Усанов 2023] — поражение в Войне за независимость США (1775–1783). Непопулярная в английском обществе война с американцами заставила Георга III (1738–1820) назначить в 1783 году на пост премьера молодого Уильяма Питта-младшего (1759–1806), поклонника Адама Смита (1723–1790), провозгласившего «Мир, экономию и реформы» [Брентано 1930, т. III: 53]. В 1780-е годы Питт провел радикальные реформы по сокращению государственного вмешательства в экономику. Именно это запустило экономический рост, который мы теперь называем промышленной революцией.

Однако, чтобы рост не был временным, как часто бывало раньше (в Испании или Нидерландах), нужны были институты, которые бы не позволили свернуть с намеченного пути модернизации. Такой институт был у Англии, и именно благодаря ему удалась «английская модернизация». При чем институт этот был создан именно в период правления династии Тюдоров, о которых пойдет речь в настоящем препринте.

О чем забыл Макс Вебер?

Может показаться удивительным, но в наиболее известной работе Макса Вебера (1864–1920) «Протестантская этика и дух капитализма»

[Вебер 1990] больше ста раз упоминается Мартин Лютер (1483–1546), столько же Жан Кальвин (1509–1564) и практически не упоминается ни одна фигура в истории реформации в Англии: ни одного раза Генрих VIII (1491–1547), ни одного раза Елизавета Тюдор (1533–1603), ни одного раза Тюдоры как таковые; и когда через запятую упоминается англиканская церковь¹, то речь идет исключительно о «мирском аскетизме» (довольно спорная черта для английской церкви, сохранившей пышность и богатство католической церкви). Можно сказать, что специфика англиканства и английской реформации (если о ней вообще можно говорить) не раскрыта в наиболее известной книге Вебера. Это тем более странно, так как Вебер, конечно же, знал, что промышленная революция случилась не в Германии, Швейцарии или Нидерландах, а именно в Англии. Тогда следовало бы узнать, какой же «дух» породил капитализм в Англии? В первом приближении нужно отметить, что без «духа» Генриха VIII — создателя англиканской церкви и его главы — реформация в Англии не состоялась бы. Возможно, она состоялась бы и без него, но, какой она была бы, нам не дано знать. Однако мы знаем, какой она стала в реальности, именно реальную, а не выдуманную историю нам следует изучить. И, как и во многом другом, история реформации в Англии не имеет аналогов в мировой истории.

В данном препринте речь пойдет о 118 годах правления династии Тюдоров в Англии. Эти 118 лет до сих пор привлекают внимание и исследователей, и общественности. Наверное, самые яркие картины английской истории так или иначе связаны с династией Тюдоров. Если убрать из истории Англии Елизавету Тюдор и Генриха VIII [Chrimes 1972], то, наверное, история стала бы гораздо более гуманной, но при этом гораздо более скучной. В конце концов, кого по яркости и харизматичности можно сравнить в истории Англии с Тюдорами? Пожалуй, лишь королеву Викторию в XIX веке. Но этого явно недостаточно для формирования национального мифа, и в таком смысле Тюдоры — также часть национального мифа об исключительности англичан: об особенностях их права, превосходящего все остальные правовые системы, об исключительности их языка, отличающегося от того английского языка, на котором говорят американцы, о том, что в Англии всегда господствовали идеи консерватизма и что со времен Великой хартии вольностей

¹ Характерная фраза Вебера об англиканстве: «Значительно чаще эти черты [мирской аскетизм] встречаются в кругах умеренного англиканства, у таких его сторонников, как Хукер, Чиллингсуорт и др.» [Вебер 1990: 162].

(1215 год) у простых людей в Англии были гарантии жизни, свободы и частной собственности².

Часть этих утверждений соответствует действительности, часть из них является в чистом виде вымыслом, который продолжает пользоваться популярностью, в том числе как предмет экспорта идей.

Что дали эти 118 лет правления Тюдоров для мировой культуры, политики и модернизации?

Главные изменения за эти годы состоят вовсе не в том, что была совершена значительная экономическая или политическая модернизация: монархия продолжала быть абсолютной, несмотря на существование формально независимого парламента; даже при Елизавете парламент, по существу, и не пытался вступать в серьезный конфликт с монархом и полностью подчинялся ему³.

Крайне символичным является тот факт, что, несмотря на все религиозные перемены, шапка, символизовавшая власть монарха, не менялась на протяжении всех 118 лет правления династии Тюдоров. Еще в 1485 году Генрих VII от римского папы получил соответствующую шапку⁴, и несмотря на то, что английский монарх был отлучен от церкви, несмотря на то, что король Англии провозгласил себя главой церкви, которая до этого была католической, и отнял у нее собственность, несмотря на гонения, каким подвергались протестанты и при Генрихе VIII, и при Марии Кровавой, несмотря на борьбу Марии Кровавой

² «В 1583 году, т. е. на пике могущества королевы, сэр Томас Смит написал: “Самая высокая и самая абсолютная власть королевства Английского установлена парламентом, поскольку предполагается, что там представлен каждый англичанин либо лично, либо по доверенности, от принца и вплоть до самого ничтожного человека Англии, так что одобрение парламента считается всеобщим одобрением”» [Моруа 2022: 353]. Миф об исключительности английской политической культуры разбивает Дмитрий Травин [Травин 2018].

³ «Фундаментальной чертой политической культуры исследуемого периода было стремление парламентариев избегать конфликтов с короной» [Дмитриева 2021: 1000].

⁴ «Наряду с мечом монархи освящали (или приносили в дар на алтарь) церемониальную шапку, которую также получали обратно по окончании обряда. Речь идет о бархатной шапочке на горностаевом меху, украшенной золотой кисточкой, на которую обыкновенно надевали корону английские короли. Таковую шапку прислал родоначальнику династии Тюдоров Генриху VII папа римский. Елизавета пользовалась той шапкой, которую получил из Рима Генрих VII. В XV — начале XVI века она обыкновенно рассматривалась как символ поддержки государя Римским престолом» [Дмитриева 2021: 157].

с протестантами и несмотря на борьбу Елизаветы Тюдор с католиками и пуританами, эта шапка продолжала использоваться Тюдорами как символ своей власти. Вплоть до Елизаветы Тюдор все 118 лет шапка, полученная от римского папы, находилась на голове английского монарха. Тяжело себе представить, чтобы что-то подобное произошло в последовательно протестантской стране.

Как мы видим, ради политической стабильности англичане пошли на отказ от религиозной принципиальности. Довольно симптоматично выглядит этот курьезный факт: порвать с Римом и одновременно носить символ власти Рима над собой. И тем не менее символом власти реформаторов Тюдоров был головной убор, данный Тюдорам римским папой. Такая вот необычная реформация. Однако столь прагматичное отношение довольно быстро распространилось и в народе.

Одним из непреднамеренных последствий реформации в Англии стало падение религиозности. Так, Питер Акройд отмечает, что уже в 1540-е годы «во время обрядов миряне болтали, шутили или вовсе спали. Другие попросту устали от религиозных разногласий и богословских споров; они в каком-то смысле были антиклерикалами, стремившимися, прежде всего, к порядку и безопасности. Их, чуждых всякого религиозного рвения, не особенно интересовали новые формы протестантской духовности. Если они и подчинялись канонам существующей религии, то только потому, что им так было выгодно» [Акройд 2023b: 600].

Равнодушие привело к медленному разрушению церковей: «Церкви повсеместно стояли полуразрушенными, неотреставрированными или не оборудованными для богослужений. Народ кишмя кишел на улицах и пивных во время богослужений. Многие из этих людей, в сущности, оставались католиками, так и не принявшими новую веру и отводившими душу во время храмовых праздников, пирушек, сельских гульбищ, майских забав, приношения камыша, медвежьих потех, голубиных бегов и так далее. Во время обрядов миряне болтали, шутили или вовсе спали. Другие попросту устали от религиозных разногласий и богословских споров» [там же: 600].

Повсеместным стало глумление над святынями и довольно кощунственное отношение к символам веры: «Разрушение святынь способствовало тенденции осмеяния и глумления над всеми испокон веков существовавшими верованиями. Можно было услышать, как кто-то говорит: “Если бы Дева Мария жила на Земле, я бы трепетал перед ней не более чем в присутствии уличной девки”. Когда во время одной мессы священник воздел над головой Святые Дары, один из прихожан

поднял вверх маленькую собаку. Сообщалось, что некоторые жители городка Рай заявляли, что “месса — не что иное, как скоморошество с показыванием фокусов” и что “они охотнее будут слушать лай собаки, чем песнопения священника”» [там же: 177].

Как получилось, что Англия опередила многие другие страны в процессе секуляризации? Можно ли найти причину этого в экономике? Может ли экономический детерминизм что-то здесь объяснить?

Удвоить ВВП за 200 лет: модернизация экономики при Тюдорах

Дмитрий Травин считает, что «наиболее важными достижениями во времена Елизаветы Тюдор были, возможно, не военные, не политические и не идеологические успехи, а экономические преобразования» [Травин, Маргания 2016: 6]. В них он видит причины того, что сделало возможной промышленную революцию именно в Англии [Мокир 2017]. Однако обнаружить значительные перемены в экономике не так просто. Например, среднегодовые темпы экономического роста за период правления Тюдоров составляли лишь 0,36 %. При таких темпах экономического роста ВВП удваивается за 195 лет. Если сравнивать эти темпы с тем, что было характерно для Британии в XIX веке, то это можно назвать стагнацией экономики [Callis 1972].

На протяжении всего периода правления династии Тюдоров значительного экономического прогресса не было. Это видно по продолжающейся на протяжении всего XVI века инфляции, вплоть до смерти Елизаветы Тюдор в 1603 году [Brown, Hopkins 1956]; это видно по ставкам заработной платы, которые не только не оставались на одном уровне, но даже немного снизились в значимых отраслях [Царева 2020].

Конечно, представители определенной части общества богатели благодаря действиям монархов, но по сравнению с нынешним днем богатели они незначительно⁵. Если же говорить о жизни обычных

⁵ «В жилища джентри и буржуазии проникали роскошь и комфорт. Дама из общества, прежде чем встать поутру, просила своего пажу разжечь камин, а прежде чем лечь, велела горничной нагреть постель пузырем с горячей водой. Повсюду в сельской местности поднимались новые замки, где итальянская архитектура переплеталась с традиционной готикой. И в садах, и в домах ценили симметрию планов и разнообразие украшений» [Моруа 2022: 346].

людей, то им не за что благодарить Тюдоров, так как те не обеспечили экономический рост [Bernard 1988], который мог бы заложить основы благосостояния и модернизации. Все это произошло через двести лет после ухода Тюдоров от власти [Brown, Hopkins 1956: 299].

Подушевой ВВП в Англии вырос за период с 1500 по 1600 год с \$ 714 до \$ 934. То есть всего на 36 % за целый век [Мэддисон 2012: 576]. Для сравнения: в Нидерландах за этот же период ВВП вырос с \$ 761 до \$ 1381. Темпы роста значительно выше 82 %. В абсолютном выражении ВВП Италии продолжал быть выше, чем в Англии, — \$ 1100, в Бельгии — \$ 976. [Мэддисон 2012: 576]. Доля английской экономики в мировой была незначительной к 1600 году: 1,8 %. Для сравнения: у Франции — 4,7 %, у Германии — 3,8 %, у Италии — 4,3 %, у Испании — 2,1 %. Даже у Японии выше 2,9 % [там же: 574].

Хотя Травин в своей книге «Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара» [Травин, Маргания 2016] считает, что именно с именем Елизаветы Тюдор следует связать значительные изменения в экономике, факты говорят об обратном. В целом можно сказать, что особых достижений в экономике в XVI веке не было. Не наблюдалось экономического роста, не происходило денежных реформ, которые бы позволили отказаться от инфляции, не было прогресса в росте заработной платы [Allen 2001].

Экономика продолжала быть, прежде всего, аграрной. Промышленная революция сложилась гораздо позже. Денежная реформа Елизаветы Тюдор, которая проводилась Томасом Грешэмом⁶, на самом деле, не смогла решить проблему инфляции, и она продолжила расти весь период до смерти Елизаветы Тюдор [Batho 1957]. Кстати, сам Томас Грешэм, которому часто приписывают открытия соответствующего закона, не был первооткрывателем — за несколько веков до него Николай Орем сформулировал этот закон⁷.

⁶ «Имя сэра Томаса Грешэма далеко не столь известно, как имя Елизаветы Тюдор. В стандартных экономических учебниках оно встречается обычно лишь раз. Так называемый “закон Грешэма” гласит, что плохая монета вытесняет из обращения хорошую» [Травин, Маргания 2016: 12].

⁷ «Важнейшим вкладом Орема в денежную теорию стала впервые данная именно им четкая формулировка закона, впоследствии получившего известность как «закон Грешэма», т. е. идеи о том, что если относительная ценность двух или более денежных единиц законодательно устанавливается государством, тогда деньги, переоцененные государством, вытеснят из обращения недооцененные деньги» [Ротбард 2020: 93].

Если говорить о наиболее популярном изменении, которое началось еще до Елизаветы при отце Елизаветы Генрихе VIII, о процессе огораживания, то он тоже не вызвал значительных перемен в экономике. Несомненно, огораживание позволило части общества значительно обогатиться, так же как за счет земель церкви и монастырей обогатился архиепископ Уолси⁸, распределяя эти земли среди нужных людей⁹. Но эти «реформы», скорее, не про увеличение размера «пирога», а про способ его распределения. Можно спорить о том, было ли огораживание экономически эффективным или нет и насколько значительными были жертвы огораживания. Во многом они преувеличены [Майбурд 2022]. Но что несомненно и что мы видим на основе динамики ВВП в период правления Тюдоров — это то, что огораживание не вызвало экономического роста. Следовательно, огораживание — в большей степени вопрос распределения богатств, а не их создания. Бесспорно, Тюдоры преуспели в умении организовать экономику так, чтобы получить от этого максимальную для себя выгоду. Корона процветала в период правления Тюдоров (хотя и этого ей не хватало), что нельзя

⁸ «В начале своего царствования Генрих лично совсем не правил, оставив всю власть министру, которого сам себе назначил, “Томасу Уолси, сыну богатого мясника из Ипсвича, которого папа по просьбе короля сделал кардиналом”. Главными чертами “этого малого из Ипсвича” были властолюбие и тщеславие. “Ego et rex meus” (“Я и мой король”), — писал он часто иностранным монархам. “Правильная грамматика, неправильный протокол”. Его дом был достоин короля; в нем было более 400 слуг, 16 капелланов, свои собственные певчие. Чтобы основать в Оксфорде Кардинальский колледж (который после этого стал называться колледжем Церкви Христовой (Christ Church college) и заставить всех восхищаться его щедростью, этот архиепископ не постеснялся ограбить монастыри. Когда папа Лев X сделал его не только кардиналом, но и папским легатом в Англии, Уолси объединил в своих руках всю гражданскую и церковную власть. Даже монахам и нищенствующим братьям, хотя они и не были подчинены светской власти, пришлось повиноваться этому римскому легату. Он также приучил англичан к новой и удивительной идее: объединению в одном человеке духовной и мирской власти» [Моруа 2022: 284].

⁹ «Ограбление церкви было вполне легальным. Генрих VIII постарался соблюсти парламентские процедуры, а парламент реформации, заседавший семь лет (1529–1536), одобрил все чрезвычайные меры, которые ему предложила корона. Сначала духовенство было извещено о том, что оно, как и Уолси, нарушило статут praemunire, согласившись признать этого кардинала в качестве легата. Во искупление сего преступления духовенство должно было заплатить штраф в 2 млн фунтов, предоставить королю титул защитника и верховного главы церкви, отменить анна-ты (annates), или “первые плоды” церковных бенефициев» [Моруа 2022: 290].

сказать о самом обществе. Поэтому приписывать эпохе Тюдоров и, в частности, Елизавете то, что этот период породил прогресс в экономике, вылившийся в промышленную революцию, было бы неверно. Характерно что при Елизавете цена зерна поднялась из-за снижения стоимости золота, безработица в деревнях все еще остро ощущалась, так что ближе к концу царствования, в 1597 и 1601 годах, пришлось издать два больших закона о бедняках [Моруа 2022: 350].

Даже сторонники того, что при Тюдорах был экономический прогресс, вынуждены свести его к покровительству суконной промышленности, увеличению налогов и отъему земли у церкви¹⁰. Не так уж много.

Возможно, перемены стоит искать в иной сфере? Как выглядит реформация в Англии на фоне реформации Лютера и Кальвина?

Лютер как этатист и Кальвин как тоталитарист

Если мы хотим быть христианами, мы должны охотно заниматься не приобретением денег и имущества, но вместо этого мир должен стать нашим врагом.

Мартин Лютер [Лютер 2011: 319]

Приказам магистрата никогда не следует противиться. И пусть никто не обманывается: нельзя противиться начальствующему, не противясь Богу.

Жан Кальвин [Calvin 1960: 1511]

Нет ничего в учении Лютера, что могло бы способствовать развитию капитализма, предпринимательства и свободы. Нет ничего, что могло бы способствовать модернизации. Модернизация совершилась

¹⁰ «Финансовая политика правительства Тюдоров, вслед за экономической политикой в целом, часто носила противоречивый характер. Основные мероприятия в области финансовой политики, которые имели положительное влияние на дальнейшее экономическое развитие страны: покровительство суконной промышленности; введение в сферу влияния правительства новых слоев населения путем включения их в налоговые оценки; национализация церковных богатств; монетные реформы Елизаветы I (монеты, подвергшиеся чеканке при Елизавете Тюдор, ходили в обращении вплоть до XX века)» [Царева 2020: 279].

не благодаря, а вопреки Лютеру. Принято считать, что реформация началась 31 октября 1517 года, когда Мартин Лютер вывесил на двери Замковой церкви в Виттенберге свои «95 тезисов».

В 1533 году Эразм Роттердамский опубликовал трактат «О желанном церковном согласии», где призывал к взаимной терпимости противоборствующие стороны: Рим и протестантов, его работа излучала мягкость, доброжелательность и умеренность¹¹. «Однако она подверглась яростным нападкам с обеих сторон» [Джонсон 2010: 262].

Реакция Лютера была, мягко говоря, агрессивной¹²: «Для Лютера отныне он превратился в “змея”, “кусок дерьма”, “безумного разрушителя церкви”, “растлителя маленьких детей”. В своем кругу он сообщал, что видел Эразма в Риме “прогуливающимся об руку с Дьяволом”» [Джонсон 2010: 262].

В Риме похожим образом восприняли призыв Эразма: «Никто не должен ронять свое достоинство, выражая терпимость к любому еретику, а менее всего — к кальвинисту» и «Даже если бы мой отец был еретиком, я принес бы дров, чтобы его сжечь» [там же: 281].

Лютер хотел уничтожить все признаки светскости в том числе и в образовании и науке, предлагая уничтожить книги Аристотеля. Лютер писал: «Я уверен, что церковь никогда не будет реформирована, пока мы не избавимся от канонического права, схоластической теологии, той философии и логики, посредством которых они изучаются сегодня» [там же: 264].

Особой терпимостью к другим протестантам¹³ он тоже не блистал: «Я бы скорее предпочел пить кровь с папистами, нежели вкушать обыкновенное вино с цвинглианами» [там же: 265].

Развитие индивидуализма, капитализма, правового государства и в конечном итоге промышленную революцию связывают с началом реформации в 1517 году. Но если мы посмотрим на то, как сам Лютер определял свое учение, то такое утверждение окажется несостоятельным.

¹¹ Эразм писал: «Я стараюсь соблюдать нейтралитет, чтобы способствовать, насколько это возможно, возрождению знаний и просвещения» [Джонсон 2010: 261].

¹² «Лютер призывал христиан “умыть руки в крови кардиналов, пап и прочих отбросов римского Содома”» [Джонсон 2010: 262].

¹³ «Если лютеране и кальвинисты (как и католики) активно преследовали антиномов и экстремистов, точно так же они противостояли друг другу и так же друг друга ненавидели» [Джонсон 2010: 272].

На самом деле, Лютер был противником капитализма, спекуляций, ростовщического процента¹⁴ и индивидуальной свободы. В своем учении он стремился вернуться к тому состоянию церкви, которое было характерно для первых христиан. То есть вернуться к мировоззрению и практике I–II веков нашей эры. В Новом Завете мы можем найти высказывания о том, что вся собственность должна принадлежать общине и не должно быть частной собственности. Если мы посмотрим на содержание учений Лютера и Кальвина, то поймем, что они стремились не к реформированию церкви в сторону большего индивидуализма и большей свободы, а, наоборот, хотели ограничить те тенденции к секуляризации, которые были характерны для католицизма начала XVI века. По сути дела, их следовало бы назвать не реформаторами, а реакционерами. Когда в 1517 году Лютер посетил Рим, он не увидел ничего, кроме разврата, а ведь в это время в Риме работали такие мастера, как Рафаэль и Микеланджело. Именно в тот период Рафаэль создавал свою знаменитую «Афинскую школу», на которой были изображены мыслители древности и без диалога с которыми не состоялось бы христианское учение католической церкви, не состоялась бы схоластика. На «Афинской школе» мы можем найти не только «язычников» Платона и Аристотеля, но даже арабского мыслителя Аверроэса и, что более всего удивительно для папской курии, атеиста Эпикура. Какая поразительная толерантность, не снисвавшаяся Лютеру! Осуждение предпринимательской деятельности и прибыли — наиболее характерные черты учения Лютера. В отличие от Эразма Роттердамского, который призывал все стороны к поиску компромисса, Лютер не желал мириться с неизбежными переменами, он хотел вернуть не только церковь, но и общество в состояние I–II веков нашей эры. Следовало бы считать учение Лютера более несовременным, чем была на момент опубликования «95 тезисов против индульгенций» католическая церковь.

Лютер был убежден в том, что кредитование должно быть беспроцентным, что недопустимо существование ренты. Его учение находилось в противоречии с наиболее характерными тенденциями для схолистической мысли уже XIII–XIV веков. Мы находим в «Сумме теологии» Фомы Аквинского аргументы, позволявшие защитить ссудный процент¹⁵.

¹⁴ «Английский парламент в 1545 году при протестантском большинстве одобрил ссуды под процент» [Джонсон 2010: 296].

¹⁵ «В сохранившейся корреспонденции Франческо ди Марко Датини (ок. 1335–1410), например, отражено, кто в течение тридцати лет был занят торговлей

Официально учение католической церкви в XIII веке осуждало ссудный процент, но с огромным количеством оговорок, которые делает Фома Аквинский. В частности, о том, что у владельца капитала есть право требовать вознаграждение за упущенную выгоду, а также право получить вознаграждение за риск, что полностью подрывало те ограничения, которые были связаны с запретом на взимание процента. На самом деле, банковское дело и кредит активно развивались в городах Северной Италии в тот период, когда никакой реформации еще не было. Когда же пришла реформация, осуждение процента Лютером и осуждение ростовщического процента Кальвином фактически привели к тому, что банковское дело, как и многие сектора экономики, подверглось давлению со стороны государства. Кроме того, Фома Аквинский уже в XIII веке говорил о том, что если правитель нарушает естественные законы и если его законы противоречат божественному или естественному праву, то у народа есть право на свержение такого тирана¹⁶. Следовательно, в отличие от Лютера в XVI веке, Фома Аквинский в XIII веке защищал индивидуальную свободу и права от посягательств государства. У Аквината мы даже находим право на восстание, вызванное чрезмерными налогами, что невозможно найти ни в наследии Лютера, ни в наследии Кальвина. Поэтому ошибочно было бы считать, что эти два религиозных деятеля создали хоть что-нибудь способствовавшее экономическим, индивидуальным и политическим свободам Запада. Их с полным правом можно считать реакционерами. И особенно это касается борца с ведьмами, этатиста, антисемита и антирационалиста Лютера¹⁷. Он также не брезговал насилием: несколько женщин было

в Авиньоне и затем в Прато, близ Флоренции. В его бухгалтерской книге были переписаны десять заповедей, причем на многих страницах вверху повторялся девиз “Во имя Господа и прибыли”. Этот человек был искренним и полностью ортодоксальным католиком» [Джонсон 2010: 295].

¹⁶ «Подданные имеют право свергнуть несправедливую власть, если у них хватит на это силы». Аквинат говорит о праве восстать против государственной власти. Он перечисляет несколько ситуаций, когда восстание может осуществиться, а именно:

а) если власть выступает против законов Бога и элементарных моральных принципов, в этом случае подданные должны отказаться повиноваться ей;

б) в случае превышения властью ее компетенции, пример установления чрезмерных налогов (это защита экономических интересов церкви);

в) когда правитель, избранный легально, начинает поступать несправедливо [Боргош 1975: 125].

¹⁷ «Лютер считал, что ведьм нужно сжигать за то, что они вступили в сговор с дьяволом, даже если они никому не причинили зла. На его совести четыре женщины, заживо сожженные в Виттенберге» [Джонсон 2010: 282]. Лютер: «[Писание]

сожжено благодаря одному из распоряжений Лютера. Гонений на ведьм при Лютере стало даже больше, чем во времена католицизма. Лютер не отрицал существования ведьм и был сторонником того, что не только нужно с ними бороться, но в случае отсутствия раскаяния — сжигать на костре. При этом Лютер такую же ненависть испытывал не только к представителям папства, но и к другим деятелям реформации. Он даже говорил о том, что скорее согласится попасть в ад, чем признать право на существование учения Ульриха Цвингли. Наверное, и Лютер, и Кальвин были бы сильно удивлены, если бы узнали, что в последующем им будут приписывать, а именно, что благодаря их учениям мир двинулся в сторону модернизации¹⁸.

Все вышесказанное доказывает, что учение Лютера было не шагом вперед в отношении экономических, политических и индивидуальных свобод, а регрессом. Лютер осуждал спекуляции, монополии, торговлю восточными пряностями и украшениями, осуждал роскошь и богатство не только церкви, но и обычных купцов. Когда какой-нибудь крупный предприниматель получал большую прибыль, это, с точки зрения Лютера, уже становилось поводом к осуждению такого крупного предпринимателя¹⁹. Международный финансовый капитал тоже не вызывал у Лютера восхищения.

учит нас тому, что ведьмы существуют и должны быть уничтожены... Этот закон от Бога, и это универсальный закон» [там же: 291–292].

¹⁸ Характерна история для полемики реформаторов: «Памфлет Кастеллио *De Haereticis an sint persequendi* представляет собой не столько рассуждение, сколько сборник полезных цитат из Отцов и протестантских авторов и целое собрание беспощадных сентенций. “Я тщательно изучил, что значит «еретик», и не нашел ничего лучше следующего определения: еретик — это человек, с которым я не согласен”. “Убийство человека не служит защите учения; оно остается убийством человека”. “Чем лучше человеку известна истина, тем менее склонен он к обвинениям”. “Кто не примет Христа за Молоха или подобного последнему Бога, если ему приносят в жертву людей и сжигают их живьем?” Вызов был эмоциональным, но действенным — по крайней мере, Кальвин и Беза пытались изгнать Кастеллио из Базельского университета, а их последователи никогда не переставали травить его» [Джонсон 2010: 299].

¹⁹ Павел Крылов отмечает: «Модернизация экономики — экономических отношений и производства — кажется последним, что может быть связано с церковными институтами. Спустя полторы тысячи лет церковный реформатор Лютер с гневом обозревателя газеты “Правда” советских времен пишет: “Здесь следовало бы, по справедливости, наложить на морду узду Фуггерам и другим подобным товариществам. Можно ли считать божеским и справедливым, что один человек на-

У Лютера была также довольно сомнительная этика коммерции, которая сводилась к тому, что непозволительно получать выигрыш за счет разницы в цене, которая может возникнуть на рынке вследствие дефицита. Купец обязан продавать свой продукт по обычной цене, даже если конъюнктура на рынке приводит к тому, что предложение продукции сокращается и это должно неизбежно вызвать рост цен. Такая деятельность для Лютера была недопустимой. Предприниматель обязан продавать товар по фиксированной цене. И это при том, что одновременно с такого рода идеями в католической Испании представители Саламанкской школы доказывали, что подобное вмешательство в рыночный процесс приведет к исключительно отрицательным последствиям: регулирование процента, равно как и регулирование цен, неизбежно будет приводить к еще большей дефицитности благ и разрушит запас капитала, имеющийся в обществе. Отсрочка платежа также недопустима, с точки зрения экономического мировоззрения Мартина Лютера, — что полностью уничтожает коммерческий кредит и тормозит развитие капитализма.

Прослеживается явная тенденция к этатизму Лютера, заменившего власть церкви властью государства. Пол Джонсон так характеризует эволюцию Лютера: «Сдержанность начального периода не пережила усиливавшейся зависимости Лютера от принцев. Как только его учение превратилось в государственную религию, потребовалось устранить все остальные формы христианства или, по крайней мере, не дать им возможности открыто изъяслять себя. К 1525 году он запретил мессу, с тем чтобы «это кощунство могло пресекаться законной властью»; вскоре этот запрет распространился на другие формы протестантизма. «Светский правитель должен проследить за тем, чтобы его подданных не подталкивали к раздорам конкурирующие между собой проповедники, не возникали бы фракции и не было беспорядков. В одном и том же месте должна читаться только одна проповедь» [Джонсон 2010: 271].

громоздил у себя столь великие царские богатства! Я не знаю торговых расчетов. Но я не понимаю, как возможно на сто гульденов приобрести в год двадцать или даже гульден на гульден; и это не посредством земли, скота, так как приобретение благ зависит не от человеческой смыслености, а от соизволения Божия» [Крылов 2022: 19].

Учение Кальвина, не в меньшей степени, чем учение Лютера, было реакционным²⁰. Но если Лютера можно назвать создателем этатизма, то Кальвина — создателем тоталитаризма. Полное подчинение жизни личности интересам государства было главным нервом теологии Кальвина. Начнем с того, что учение о предопределении совершенно необязательно должно приводить к тем выводам, которые приписал Кальвину Макс Вебер, а именно, что самый простой путь понять, предопределен человек к спасению или проклятию, — это определить уровень его коммерческого успеха или благосостояния. Это взгляд наблюдателя из XX века. Сам же Кальвин делал из идеи предопределенности иные выводы: решить, кто предопределен к спасению, а кто к проклятию, может только государство²¹. Полное подчинение магистрату — это то, что требовалось от последовательного кальвиниста. Поэтому приписывать «дух капитализма» учению Кальвина было бы исторически некорректным. Кальвин говорил о том, что добропорядочный христианин должен отдавать все, что у него есть, другим членам общины и не заботиться о собственной выгоде. Учение Кальвина регламентировало жизнь настолько, что касалось в том числе распределения имен среди новорожденных. Кальвин запрещал танцы, музыку, развлечения, главным нервом его учения был труд. И хотя можно посчитать, что это роднит его с трудолюбием, требующимся для капитализма, на самом же деле это больше похоже на советские планы индустриализации и на то, что нужно не жалеть себя в процессе труда. Труд оправдывает все. Учение Кальвина скорее похоже на стахановское движение, чем на апологию свободного рынка. Он написал что-то вроде собственной «Суммы теологии», которая включала в себя унификацию всех форм деятельности: фактически это была первая попытка теократической урбанистики, где в городе полностью определялось то, как должны люди одеваться, какие именно должны они носить имена. Кальвин регламентировал арендные ставки, цены на продукцию и процент. В общине поддерживались доносы на других членов коллектива: нет ли среди членов общества лентяев или алчных людей [Тоуни 2023].

²⁰ «Радикальным теократическим экспериментом, попыткой свести средневековый организм церкви-государства к его предполагаемым примитивным истокам» [Джонсон 2010: 269].

²¹ «Чтобы блюсти избранных в чистоте, чтобы отличать тех, кому суждено проклятие, и отлучать их, кальвинистское общество нуждалось в полицейском устройстве» [Джонсон 2010: 270].

С полным правом один из знатоков теории общественного выбора Денис Мюллер²² сравнивает в своей книге Жана Кальвина с Адольфом Гитлером²³, так как и тот и другой, будучи диктаторами, стремились не к тому, чтобы увеличивать свое личное благосостояние, а к тому, чтобы приумножать власть своей идеологии. В случае с Кальвином, нет сомнений, что это была идеология теократического тоталитаризма, а сам Кальвин создал своеобразную тоталитарную секту. Одним из признаков этого является то, что в 1553 году в Женеве на главной площади был сожжен выдающийся ученый Мигель Сервет, первооткрыватель малого и большого кругов кровообращения. Это произошло, как считается, по распоряжению Кальвина, хотя Кальвин хотел вместо сожжения казнить его путем отрубания головы за то, что Сервет имел иные взгляды на учение о Троице²⁴. Вольтер позже говорил, что убийство ученого произвело на него гораздо большее впечатление, «чем все костры инквизиции». Так же как и Лютер, Кальвин был большим поклонником борьбы с ведьмами, которых сжигали на центральной площади Женевы²⁵.

Так, «Великий реформатор Кальвин утверждал, что истребление проповедников ложных богов есть долг христианина» [Акройд 2023b: 370].

Можно что угодно думать о теологии Кальвина и Лютера, они могут нравиться или не нравиться, но что совершенно невозможно признать за истину, это то, что учения Лютера и Кальвина хоть сколько-нибудь могли

²² «Некоторые диктаторы в своих действиях движимы желаниями, которые выходят далеко за пределы их личного потребления. Диктатор стремится к власти ради утверждения и распространения конкретной идеологии. Для Гитлера это был фашизм, для Кальвина — особая доктрина протестантизма, которую стали называть кальвинизмом» [Мюллер 2007: 543].

²³ «Он добился, чтобы его оппонентов, разжалованных за “вольномудство”, подвергали изгнанию, а в ряде случаев — пыткам и казням, а та система, которую он разработал, возможно, ближе всего подошла к идее тотального христианского общества, чем сумел это сделать за всю свою историю католицизм» [Джонсон 2010: 270].

²⁴ «Он был приговорен к смерти согласно Кодексу Юстиниана, который все еще был в ходу даже в протестантских городах в качестве основания для преследования еретиков. Вопреки мнению Кальвина его сожгли — Кальвин хотел простой казни» [Джонсон 2010: 272].

²⁵ «Казнь, как обнаружил Кальвин, была полезна еще и потому, что внушала ужас и тем самым склоняла к покорности. Одним из его излюбленных приемов одерживать верх над оппонентами — заставить их собственноручно сжечь свои книги на виду у всех» [Джонсон 2010: 271].

способствовать развитию капитализма. «Дух капитализма» не имеет ничего общего ни с этицизмом Лютера, ни с тоталитаризмом Кальвина.

Можно суммировать взгляды Лютера, Кальвина и схоластов в *табл. 1*.

Таблица 1. Взгляды разных религиозных деятелей на экономику

	Схоласты	Лютер	Кальвин
Право	Естественное право человека на самого себя	Коллективизм	Коллективизм
Торговля	Допустимость и желательность	Ограничение	Ограничение
Государство	Право народа	Священное право государя	Тоталитаризм
Процент	Допустим	Осуждается	Осуждается

Тюдоры и «Скрудж» Генрих VII

Генрих VII, основатель династии Тюдоров, получил свою власть по праву победителя. Его правлением закончилась Война Алой и Белой розы, которая в сознании англичан была настоящей трагедией²⁶. На долгие десятилетия нежелание повторять подобную гражданскую войну привело к готовности непротивления монархии даже тогда, когда она вела себя несправедливо, нарушая неписаную Конституцию. За периодом анархии Войны Алой и Белой розы последовал период политической стабильности²⁷. Первый период этого 118-летнего периода правления Тюдоров начинается с Генриха VII, которого можно считать родоначальником политики меркантилизма²⁸. Именно он начал активно

²⁶ «Генрих VII и его дети не зависели ни от того ни от другого. Не имея другой постоянной армии, кроме 150 телохранителей, они будут более чем уважаемыми — почитаемыми государями. Надо объяснить механизм этой необычайной прочности» [Моруа 2022: 263].

²⁷ «За время его царствования парламент созывался всего семь раз. И кто бы тогда вздумал жаловаться? Из-за хаоса недавней гражданской войны любой конституционный конфликт решался в пользу короны» [Моруа 2022: 267].

²⁸ «Конец XV — начало XVI века — период складывания системы доктрин, называемой меркантилизмом. Распространенный в ряде работ тезис о том, что Генрих VII избрал путь меркантилизма, противоречит некоторым финансовым

инвестировать средства государства в развитие флота, именно он стал регулировать экспортные и импортные отношения посредством квот и пошлин, именно благодаря его политике появились купцы-авантюристы. Как это всегда и бывает, практика предшествует теории, Генрих VII был первым меркантилистом, хотя слово это появилось только в конце XVIII века благодаря Адаму Смигу. Тем не менее в научной литературе общепризнанным считается факт, что эпоха меркантилизма связана с XVI–XVII веками. На практике же именно Генрих VII за счет активного развития флота способствовал зарождению представления об Англии как о морской державе: что в 1485 году казалось неочевидным — Англия не господствовала на морях в тот период. Генрих VII был первым в Англии монархом, который посчитал, что будущее Англии — как раз в морском деле. Его можно сравнить с известным персонажем Скруджем Макдаком²⁹: все исследователи отмечают, что Генрих VII был очень экономным, его финансовая политика привела к многократному росту доходов казны³⁰. Он был очень скуп и благодаря своей финансовой политике обеспечил профицит бюджета, он не увеличивал государственный долг и оставил своему наследнику Генриху VIII достаточный запас финансового капитала, который, правда, тот успел за свое правление полностью растратить³¹.

и налоговым мероприятиям, проводимым им по отношению к экспортным пошлинам. Поиск новых источников доходов привел Генриха VII к увеличению экспортных пошлин на сырую шерсть, которое повлекло упадок торговли в Кале. В результате увеличивается вывоз сукна и начинают процветать купцы-авантюристы» [Царева 2020: 8].

²⁹ «Можно сказать, что, как скряга Скрудж, Генрих VII, слишком боялся мира. Разумеется, он, как и Скрудж, пытался защитить себя стеной денег. Как бы то ни было, он был целенаправленно корыстолюбив; он сказал одному из своих советников: “Короли, мои предшественники, ослабили свою казну и этим сделали себя слугами своих подданных”. Он не собирался просить или занимать, он отбирал угрозами. При этом ежегодный королевский доход вырос примерно на 45 %, и Генрих был одним из немногих монархов в английской истории, который умер, не оставив долгов» [Акройд 2023а: 597].

³⁰ «К началу правления: среднегодовой доход £ 17 000. К концу правления: среднегодовой доход £ 105 000» [Царева 2020: 100].

³¹ «Был ли Генрих VII на самом деле так жаден до денег? То, что он оставил после себя огромное состояние, около двух млн фунтов, несомненный факт. Он скрупулезно, как буржуа, вел учетные книги: “За проигрыш короля в карты: девять фунтов... За потерю мячей в теннисе: три шиллинга... Моему шуту за сочиненную песню...” Хотя это и точные подсчеты, но отнюдь не счета скряги. Роскошь двора,

Так получилось, что не очень заметный Генрих VII фактически и стал тем, без кого невозможно представить себе стабильность правления эпохи Тюдоров³².

Безопасность монарха обеспечивала не очень большая свита, и англичане, если бы хотели, могли с легкостью уничтожить своего короля. Однако они не собирались это делать, потому что была свежа память о периоде анархии до Генриха VII. Несколько десятилетий стабильности обеспечили признание того, что монархия лучше, чем анархия, и, даже когда Генрих VIII стал проводить довольно безумную политику, народ не восставал и продолжал с уважением и любовью относиться к своему монарху. Это же происходило и при правлении Марии Кровавой, и при Елизавете Тюдор. Фактически не было ни одной серьезной попытки свержения монарха. Объяснить это можно тем, что англичане не хотели избавляться от того института, который, пускай и несовершенным образом, обеспечивал им политическую стабильность.

Можно сказать, что англичане в тот период проводили политику «ждуна», состоящую в том, чтобы дождаться монарха, который обеспечит Англии не только политическую стабильность, но и лучшую жизнь, хотя в Средние века люди вряд ли рассчитывали на очень много хорошего в будущем, — скорее, они боялись повторения того, что было совсем недавно. Англичане не хотели повторения гражданской войны, они не хотели политической нестабильности и анархии, поэтому готовы были мириться с несправедливым и жестоким монархом — таким, каким был тогда Генрих VIII.

красота драгоценностей, фиолетовых бархатных нарядов, отороченных золотым атласом, поражали миланских и испанских послов. Похоже, истина в том, что первый из Тюдоров любил деньги потому, что деньги после падения феодального общества стали новым знаком силы» [Моруа 2022: 262].

³² «Генрих VII заложил основы финансовой и политической стабильности новой династии, увеличив процент личного дохода короны в бюджете государства. Его сын Генрих VIII, содержавший великолепный двор, истратил богатство, накопленное отцом» [Царева 2020: 6]. «Генрих VII, первый король из династии Тюдоров, олицетворял собой новый тип монарха. Более всего он любил в своих покоях проверять и сверять приходно-расходные книги. Оценивая его политику в сфере финансов, американский историк Ф. Ч. Диц отмечал: Генрих являлся монархом, относящимся не к сословию рыцарей, но к сословию купцов. Как видно, ученый обращал особое внимание на незаурядные деловые качества монарха» [там же: 68].

Генрих VIII, вовсе не желая этого, породил совершенно особый путь Англии: именно в его выборе содержится главное, что модернизировало Англию в эпоху Тюдоров, — правда, последствия этой модернизации сказались лишь к промышленной революции, но перемены были очень важными, потому что институт, который на самом деле полностью изменился при Тюдорах, — это не экономика, политика или право, а церковь. Если в 1485 году, когда на престол взошел Генрих VII, Англия была, пожалуй, даже более католической страной, чем другие страны Европы, то в 1603 году, когда династия Тюдоров прекратила свое существование, Англия была страной с совершенно особой церковью, где во главе государства и во главе церкви стоял один человек — король Англии. Во время Елизаветы это была королева.

В отличие от крайностей лютеранства, кальвинизма и пуританства Генрих VIII смог породить «срединный путь» англиканской церкви³³, который играл огромную роль вплоть до начала промышленной революции. Только в последнее время мы наблюдаем значительное сокращение популярности англиканства в Англии: за несколько лет доля англикан в Англии сократилась с 30 % до 15 %.

В XVI веке англиканская церковь играла ведущую роль, те перемены, которые наблюдались в религиозной сфере в Англии в XVI веке, происходили, прежде всего, внутри самой англиканской церкви. А внутри было много драматичных событий, связанных с переменой содержания Символа веры. Именно то, как быстро и часто это происходило, породило совершенно особое отношение в Англии к научному творчеству в противовес религиозным идеям. Если Кальвин в Женеве уничтожал на центральной площади ученого, который открывал важнейшие в науке принципы, то в Англии относились к этому гораздо более терпимо. По идеям Ф. Бэкона и по творчеству У. Шекспира мы можем понять, что благодаря некоторой индифферентности англичан к вопросам чистой теологии большая часть энергии была направлена на изучение опытных

³³ «В настоящее время далеко не все с удовлетворительной степенью понимают, что англиканская церковь занимает совершенно особенное положение в христианском мире, что она составляет некоторым образом особый вид (в группе христианских церквей). Ее своеобразный характер в течение прошедшего столетия действительно понимали далеко не удовлетворительно; ее следует признать за учреждение, восстановившее у себя древнюю религию в такой форме, которая отделяет британцев столько же от римских католиков, сколько и от других церковных общин, отрекшихся повиноваться папе» [Джебб 1868: 1–2].

наук. Поэтому рационализм активно развивался во Франции, а эмпиризм был характерен для англичан еще с Р. Бэкона в XIII веке³⁴.

Не существует мучеников английской науки, которые были бы сопоставимы с Мигелем Серветом, Галилео Галилеем или Джордано Бруно³⁵.

Уважение к научному творчеству стало неотъемлемым элементом английской культуры и английской политической философии.

Именно эти тенденции привели к движению латитудианства, которое означало широкое воззрение на вопросы морали, религии и политики³⁶. Это означало гораздо более терпимое отношение к инакомыслию и готовность двинуться в сторону научного и коммерческого прогресса, который случился в Англии, но только в конце XVIII века³⁷.

Важную роль в этом сыграла англиканская церковь, потому что, будучи подчиненной власти монарха, она превратилась в индифферентную с политической точки зрения силу и готова была принять то, что есть, поэтому, когда случилась промышленная революция, англиканская церковь никак не отреагировала на то, что в дальнейшем вызвало огромную волну возмущения у немецких, французских и итальянских

³⁴ Р. Бэкон в трактате XIII века писал: «Установив основания мудрости латинян в обладании [знанием] языков, математики и оптики, теперь я намереваюсь обратиться к основаниям опытной науки, поскольку без опыта ничто не может быть познано достаточным образом. В самом деле, имеются два вида познания: с помощью аргументации и с помощью опыта. Аргумент дает заключение и вынуждает нас соглашаться с заключением, но он не дает твердой уверенности и не устранит сомнения так, чтобы разум успокоился в созерцании истины, если он не обнаружит ее опытным путем, ибо многие обладают аргументами в отношении познаваемого, но поскольку не имеют о нем опыта» [Бэкон 2005: 337].

³⁵ Таковым можно считать Томаса Мора, но можно ли считать его «Утопию» научным трудом, сопоставимым с трудами Сервета или Галилея?

³⁶ «Как процветающие капиталисты, они исповедовали приватную эразмианскую религию. Фактически они были стоиками: доводы разума неизбежно бессильны, и потому образованные люди должны искать убежище в личной морали, приспособляясь внешне и всячески стараясь служить во имя общего блага. Один такой кружок, в Антверпене, организовал типограф короля Филиппа II Кристофер Плантаэн. В него входили натуралисты, ботаники, географы, картографы, антиквары, лингвисты, гебраисты и востоковеды, многие художники и граверы» [Джонсон 2010: 300].

³⁷ «В Англии при Елизавете, согласно протестантскому «Акту о единоверии» 1559 года, пэры освобождались от присяги, т. е. могли оставаться католиками, не подвергаясь финансовым взысканиям, которые налагались на людей более низкого звания. Даже в англиканской церкви на всем протяжении периода протестантского единоверия сохранялись островки католицизма, несмотря на то что к единомыслию принуждали силой закона» [Джонсон 2010: 277].

социалистов. Ничего подобного в Англии просто-напросто не было, и, видимо, причину этого следует искать в особом пути, который выбрала Англия после того, как Генрих VIII в ней провел совершенно особенную реформу³⁸.

Акройд так суммирует правление Генриха VII³⁹: «В своем завещании он потребовал в течение месяца отслужить 2000 месс за спасение его души, по шесть пенсов за одну мессу. Генрих VII умер в своем дворце в Ричмонде 21 апреля 1509 года, и его смерть вызвала всеобщее облегчение, если не сказать — радость. “Алчность, — писал один аристократ, — покинула страну”. Однако дни королевского корыстолюбия только начинались» [Акройд 2023а: 597].

Генрих VIII как реформатор. Особенности реформации в Англии

В массовой культуре — да и среди историков — Генрих VIII имеет репутацию довольно противоречивую. Можно сказать, что образ Генриха VIII двойся. С одной стороны, те акты насилия, которые он совершал

³⁸ «В итоге реформация в общем и целом не пользовалась поддержкой народных масс. Не было как такового и сопротивления ей, как не было и контрреформации. Воля правителя либо правящих кругов оставалась единственным фактором, который имел значение» [Джонсон 2010: 278].

³⁹ Моруа дает ему схожую оценку: «В начале XVI века английские купцы еще не занимают в мире то место, которое займут позже. Некоторые из них, merchant adventurers, полупираты-полуфраховщики, будут продавать свои ткани вплоть до России и составят на Средиземном море конкуренцию Венеции и Генуе, однако в завоевании новых миров Англия не играет никакой роли. Когда военные успехи ислама, перекрыв средиземноморский путь в Индию, вынудили европейцев XV века пуститься в великие морские авантюры, чтобы найти новый путь к богатствам Востока, одни лишь португальцы и испанцы разделили между собой открытые земли. Кто тогда мог подумать, что Англии, маленькой сельскохозяйственной и пасторальной стране, суждено создать колониальную империю? Однако один человек предвидел, что “будущее его народа — на воде”, и это был Генрих VII. Он, насколько мог, поощрял мореплавание. На свои собственные средства построил большие корабли, Marie-Fortune и Sweepstake и сдал их в аренду купцам» [Моруа 2022: 265]. «Если Тюдоры смогли так прочно утвердиться в стране, если местные органы власти стали столь сильны, что смогли заменить собой прежние, феодальные, благодарить за это следует ту четверть века внутреннего и внешнего спокойствия, которую подарил стране еще до драматичных царствований своего сына и внуков их осторожный и таинственный предшественник» [там же: 281].

в отношении своих подданных (казнь двух жен, убийство и мучительная казнь своего учителя Томаса Мора⁴⁰), говорят о том, что это был тиран, не знавший удержу. Те, кому Генрих VIII несимпатичен, без колебаний сравнивают его с Иваном Грозным или Иосифом Сталиным⁴¹. Хотя надо сказать, что, в отличие от Сталина, у Генриха VIII не было аппарата насилия и принуждения: все происходило формально по закону; если Сталину приходилось скрывать и свои мотивы, и свои средства, то Генрих VIII действовал полностью открыто и само общество считало, что у монарха есть полное право совершать те или иные поступки и что это лучше, чем все остальные варианты. Поскольку при Генрихе VIII, как и при других Тюдорах, защищавшая короля охрана была мизерной, при желании его уничтожить англичане, наделенные испокон веков оружием, могли бы это сделать, но не хотели, потому что признавали власть монарха и его законы, считая его власть полностью легитимной. Даже перед казнью и его жёны, и его учитель Томас Мор, и многие другие невинные жертвы желали королю Англии долгих лет правления⁴².

Чем объяснить интерес к Генриху? Его биограф отмечает: «Вопервых, он был в некоторой степени ответственен за самые радикальные

⁴⁰ «Сэр Томас Мор и выдающийся епископ Фишер отказались отречься от своей католической веры. Оба были обезглавлены: епископ — читая перед смертью Евангелие от Иоанна: “Сия же есть жизнь вечная...” (Ин. 17:3), Мор — заявив у подножия эшафота, что умирает “верным служителем короля, но в первую очередь Бога”. Головы этих двух великих людей гнили на остриях при входе на Лондонский мост» [Моруа 2022: 292].

⁴¹ «Для Мартина Лютера Генрих VIII был “дураком, лжецом и проклятым гнилым червем”. Сэр Уолтер Рэли сказал о нем: “Если бы все исторические картины безжалостности королевской власти были бы потеряны, все они могли бы снова быть воссозданы вживую из истории этого короля”. Якоб Буркхардт нашел его грубым и отвратительным. Чарльза Диккенса отталкивал человек, который был не чем иным, как “пятном крови и жира на истории Англии”. В наши дни профессор Диармайд Маккалок без колебаний сравнил Генриха VIII с Иосифом Сталиным. Преобладающая интерпретация, кажется, изображает его как монстра, но тем не менее монстра неотразимого — агрессивного мачо и, без сомнений, сексапильного. Нравится нам или нет, никаких нет сомнений в том, что Генрих VIII остается неизменно очаровательным персонажем в истории Англии» [Wilson 2009: 10].

⁴² «Несмотря на свои преступления, он остался в глазах подданных популярным королем. Еще и сегодня английские историки защищают его. Серьезный епископ Стабс говорит, что портреты его жен, быть может, если не оправдывают, то объясняют поспешность, с которой он хотел от них избавиться. Профессор Поллард вопрошает, почему же было особенно серьезным грехом иметь шесть жен: “Является ли число шесть запретным?”» [Моруа 2022: 281].

культурные и социальные изменения в английской истории. Англия 1547 года глубоко отличалась от Англии 1509 года. Она была ортодоксально-католической страной; теперь она стала “реформированной” и находилась под папским отлучением. Церковь была крупным землевладельцем и политическим партнером в жизни государства на государственном и местном уровнях; теперь большая часть богатства перешла в руки формирующегося среднего класса. С точки зрения международных отношений Англия стала крупной европейской державой, оказывающей влияние, непропорциональное ее экономическому положению» [Wilson 2009: 11]. Те, кому более симпатичен образ Генриха VIII, делают акцент на его образованности, высоком уровне культуры: им восхищался Эразм Роттердамский; в свою очередь, Генрих VIII предлагал ему принять кафедру в Кембридже. Генрих VIII имел хорошее образование, читал труды схоластов, включая Фому Аквинского, писал стихи, как считается, «божественно» играл на лютне, занимался спортом. Король был неотразимым и желанным женихом для многих королевских особ Европы. Некоторые отмечают, что он являлся реформатором, хотя есть сомнения в том, что его реформы хоть сколько-нибудь способствовали развитию Англии. Даже те, кто признаёт все ужасные деяния Генриха VIII, вынуждены считаться с его особым обаянием и с тем, что благодаря этому монарху, имевшему шесть жен, интерес к Тюдорам, по всей видимости, не исчезнет никогда.

Многие продолжают биться над попыткой заглянуть в душу Генриха VIII и выяснить, что им двигало, чем вызвана его жестокость по отношению к верным ему людям. Можно сказать, что загадочная английская душа в данном случае вполне совпадает с теми образами, которые созданы Достоевским: метания, сомнения, агрессия, противоречивые взгляды на религию — все это было характерно для английского монарха не меньше, чем для Карамазовых. Что касается экономики, то главными его «достижениями» были порча монеты, вызвавшая огромную инфляцию в Англии, и попытка ввести один из первых в истории прогрессивных налогов, закончившаяся крайне плачевно. Генриху пришлось отказаться от идеи прогрессивного налогообложения. Фискальные проблемы он не решил, но подорвал налоговую базу и создал страшную путаницу при обложении.

Хотим мы этого или нет, но образ Генриха VIII продолжает находиться где-то между гуманизмом Эразма Роттердамского и насилием, идущим от диктатора, наподобие Иосифа Сталина.

Тем более никуда не исчез образ Генриха VIII из массовой культуры. Огромной популярностью пользуются сериалы, которые смотрят

миллионы людей по всему миру, где в главной роли всегда некий харизматичный и привлекательный актер. Это касается и сериала «Тюдоры», и сериала «Волчий зал». Еще со времен Шекспира образ Генриха VIII привлекал внимание творческих личностей, и даже в начале XXI века продолжают писать вымышленные автобиографии не только Генриха VIII, но и его шута⁴³. Так что спрос на Тюдоров и на Генриха VIII в массовой культуре никуда не исчез и, видимо, не исчезнет.

Генриха VIII можно с полным правом считать просвещенным монархом. После того как началась реформация в Германии, Генрих VIII опубликовал свои «Тезисы в защиту католической веры» против Лютера. Считается, что этот текст либо был написан Томасом Мором, либо вдохновлен им. Но вне зависимости от этого следует признать, что Генрих VIII в начале своего правления мыслил вполне прогрессивно (правда не по-лютеровски). Другое дело, что ничто из того, о чем он мечтал, о чем он говорил с Эразмом Роттердамским, не было хоть сколько-нибудь реализовано им на практике⁴⁴.

Какие этапы эволюции прошел Генрих VIII в своих религиозных воззрениях? Это важно рассмотреть, потому что именно из его колебаний и рождается особенность пути англиканской церкви. Задолго до Генриха VIII в Англии были популярными идеи Джона Уиклифа (1324–1384), который считал, что вся Земля должна находиться в руках англичан, а не в руках церкви, следовательно, закрытие монастырей и национализация церкви являются необходимыми составляющими правильной программы для Англии. Но в XIV веке эти идеи не могли упасть на плодородную почву. Совсем другая ситуация была в начале

⁴³ См. для примера книгу «Генрих VIII и шесть его жен. Автобиография Генриха VIII с комментариями его шута Уилла Сомерса» Маргарет Джордж [Джордж 2023].

⁴⁴ «Когда в 1509 году Генрих VIII наследовал своему отцу, ему было восемнадцать лет. Это был красивый атлет, весьма довольный собой (он был очень горд, когда венецианский посол сказал ему, что его икры лучше вылеплены, чем у Франциска I), превосходный лучник, чемпион по теннису, искусный наездник, загонявший десять лошадей за день охоты. У него был вкус к литературе, одновременно богословской и романтической; он сочинял стихи, перелagal на музыку свои собственные гимны и “божественно” играл на лютне: Эразм, знавший Генриха еще ребенком, был поражен его рано созревшим умом. Новые гуманисты находили в нем друга. Он призвал Колета в Лондон и назначил его проповедником двора, сделал Томаса Мора сначала придворным вопреки его воле, потом канцлером и просил Эразма принять кафедру в Кембридже» [Моруа 2022: 282].

XVI века. В первый период своего правления Генрих VIII был истовым католиком, ничто не предрекало, что католическая Англия совсем скоро перестанет быть таковой.

Даже реформаторы в Англии⁴⁵ мечтали исключительно о том, чтобы несколько скорректировать те иные догматы Рима, но вовсе не о том, чтобы с ним порвать⁴⁶. То же самое было характерно и для Генриха VIII, который продолжал с удовольствием носить шляпу, полученную его отцом от римского папы. У короля были замечательные отношения с Римом. Папа римский назвал его «защитником веры» за трактат, который Генрих VIII написал против учения Лютера⁴⁷. Но совершенно случайная и никак не связанная с глобальными историческими тенденциями ситуация привела к разрыву Генриха VIII с Римом и вызвала появление англиканской церкви. Всем хорошо известна история с шестью женами Генриха VIII. Первая жена Екатерина Арагонская стала причиной разрыва Англии с Римом. Влюбившись в Анну Болейн, Генрих VIII пожелал получить развод: для того чтобы все было законно, он потребовал от римского папы признать его брак недействительным. По политическим соображениям папа не мог это сделать, так как у Екатерины Арагонской были родственники во главе Священной Римской империи, а именно

⁴⁵ «Грубый и прямолинейный гений Лютера страшит эрудитов Оксфорда и прельщает только молодых людей из Кембриджа или “бедных священников”, лоллардов. Первым оксфордским реформаторам хотелось бы исправить ошибки Римской церкви, но они даже не помышляют о том, что христианин может ее покинуть. Некоторые из тех, кто будет распространять новую мудрость, такие как Томас Мор, позже умрут за католическую церковь» [Моруа 2022: 276].

⁴⁶ «Самая большая ошибка, которую можно совершить в отношении первых английских реформаторов, — это считать их провозвестниками движения, враждебного католицизму. Они просто предлагали реформировать нравы и дух духовенства» [Моруа 2022: 279].

⁴⁷ «11 мая 1521 года Антонио Суриан писал: “Монах нищенствующего ордена Мартин [Лютер] будет провозглашен еретиком, а его труды сожжены. Он уже приговорен, и в воскресенье кардинал Уолси опубликует его признание... еретиком; и что все его книги будут сожжены, а сам он в соответствии с указанием папы будет отлучен от церкви”. На следующий день Суриан с папским посланником и представителями императора собрались, чтобы увидеть, как книги Лютера предадут огню. Зрелище было внушительным. Уолси прибыл верхом “с огромной свитой, состоявшей из дворян”, епископов и других высокопоставленных лиц, хотя король Генрих VIII в тот день чувствовал недомогание и не присутствовал. Когда Уолси спешился, его проводили под “золотым пологом... к высокому алтарю, где он принес подношение”» [Пэриш 2020: 55].

император тогда оказывал наибольшее влияние на политику Рима. Папа отказал Генриху VIII в разводе. Нарушив решение Рима, король женился на Анне Болейн, за этим последовало отлучение Генриха VIII от церкви, а за этим последовал Акт о супрематии, навсегда порвавший связь английской церкви с римским католицизмом. После того как Генрих VIII провозгласил себя главой англиканской церкви и национализировал земли Рима, он тем не менее сохранил в новой церкви множество символов веры от католицизма. После разрыва ситуация стала не более понятной, потому что Тиндейл, переводчик Библии на английский язык, был сожжен, а через одиннадцать лет этот перевод Библии по приказу того же Генриха VIII должен был содержаться в каждой церкви Англии, он должен был читаться и изучаться⁴⁸.

До своей смерти Генрих VIII продолжал колебаться в религиозных взглядах, и даже его последняя супруга, единственная, которая его пережила, боялась того, что ее муж по чисто религиозным соображениям отрубит ей голову. И основания для этого были.

Генрих VIII отнял земли церкви и уничтожил монастыри⁴⁹. Это не вызвало особого волнения в английском обществе, так как для обычных

⁴⁸ «На следующий [1546] год английская Библия была представлена народу в виде набора религиозных предписаний. Томас Кромвель обнародовал приказ, согласно которому в течение двух лет каждой церкви поручалось обзавестись собственной копией Библии на родном языке и представить ее прихожанам; ее необходимо было прикрепить цепями на открытом месте, чтобы каждый имел возможность ее читать. Изданная Библия основывалась на редакции Майлса Ковердейла, вышедшей в 1535 году и являвшейся в общем и целом переработкой оригинальной версии Тиндейла. Таким образом, человек, которого обвиняли в ереси и чей перевод по приказу короля сожгли одиннадцатью годами ранее, теперь стал невоспетым и непризнанным автором новой английской веры. Каждой церкви также велели разместить на столе по одной книге, содержащей «Отче наш», «Аве Марию», Символ веры и десять заповедей — также на английском языке» [Акройд 2023b: 182–183].

⁴⁹ «Изобличив в парламенте их “злодеяния”, он [Генрих VIII] добился упразднения сначала мелких монастырей, а потом и всех прочих обитателей. Церковные магистраты начали свои инспекции. Закон, который всегда уважали в этой стране, требовал от монахов “добровольного отречения”. Доктор Лондон прославился своей ловкостью быстро склонять строптивцев к “добровольности”. Как только акт был подписан, король вступал во владение аббатством, продавал содержавшееся в нем движимое имущество и отдавал владение недвижимостью какому-нибудь вельможе, обеспечивая таким образом его верность новой церкви. Продажа, разорявшая монахов, нисколько не обогащала короля. Монастырские рукописи покупались лавочниками на кульки. “Старинные книги в хоре церкви: «6 пенсов»” — такой была опись одной из библиотек. Что касается ограбленных клириков, то

жителей священнослужители были привилегированным классом, их интересы мало беспокоили простой народ. Ситуация рассматривалась как внутриэлитный конфликт, который не имеет особого значения для простых людей.

Что касается экономической политики, то Генрих VIII проводил вполне интервенционистскую, в современных терминах, политику⁵⁰, а именно: он пытался ввести прогрессивную систему налогообложения⁵¹ и занимался порчей монет. И то и другое привело к огромному государственному долгу, к финансовым проблемам, которые переключались к его наследникам — Эдуарду VI и Марии Кровавой.

Главным наследием Генриха оказалась церковь Англии. В чем состоит специфика англиканской церкви? Прежде всего, в том, что главой этой церкви является одновременно и король Англии. Соответствующий закон был принят Генрихом VIII 3 ноября 1534 года, это так называемый

некоторые из них получали грамоту “о пригодности”, т. е. о праве выполнять мирскую службу» [Моруа 2022: 293].

⁵⁰ «Штат королевских чиновников начал стремительно разрастаться при Генрихе VIII. Для проведения налоговой оценки для сбора субсидии по графствам и сотням в 1512 году было назначено порядка 1120 человек, а в 1514 году — уже около 1440 человек» [Царева 2020: 163]. «Реальное содержание серебра в монетах быстро сокращалось. Если в 1541 году оно составляло почти 93 %, то в 1551 году — лишь 33 %» [Травин, Маргания 2016: 11]. «В период правления Генриха VIII большая часть бюджета (75 %) складывалась из источников, неподконтрольных парламенту» [Царева 2020: 275].

⁵¹ «Эпоха правления Генриха VIII стала ключевой в истории налогообложения в Англии. Можно сказать, что к концу правления Генриха VIII финансовая система страны изменилась, пройдя три этапа.

Первый этап (1509–1522 годы) характеризуется формированием налоговой базы для сбора субсидий, установлением правовых норм для сбора субсидий на ведение войны, субсидия выходит на первое место среди источников формирования доходов Королевской палаты.

Второй этап (1523–1539 годы) характеризуется проведением Великой налоговой описи и фиксацией списков налогоплательщиков в Казначействе. После 1523 года увеличивается количество запрашиваемых в парламенте субсидий, а также растет общая сумма единичной субсидии (на 50 % за указанный период).

Третий этап (1540–1547 годы) характеризуется отказом от налога на заработные платы и делегированием полномочий по сбору субсидии корпорациям (гильдиям), а также созданием разветвленной системы финансового администрирования (помимо Казначейства, были созданы: Курия первых плодов и десятин, Курия главных аудиторов, Курия феодальных опеков, Курия по приращению королевских доходов)» [Царева 2020: 125].

Акт о супрематии, т. е. о том, что главой государства и одновременно главой церкви является монарх — не кто иной, как сам Генрих VIII. Именно благодаря этому решению в Англии сложилась совершенно особая система, в которой не существовало противоречий, характерных для лютеранства и кальвинизма, но имелись свои собственные. С одной стороны, Генрих VIII стремился к тому, чтобы отказаться от влияния Рима, с другой же стороны, он хотел перенять те принципы, которые были свойственны реформации, не перенимая новых учений. То есть его цель состояла в том, чтобы реформировать церковь, оставляя ее неизменной. Уже это может показаться внутренне противоречивым или даже невозможным. На практике же именно такая церковь была создана в Англии.

«Англиканская церковь, прежде всего, — и это составляет глубочайшее основание, на котором она покоится, — почерпает из одного Писания все элементы обязательной веры или, говоря ее собственными словами, “все, во что необходимо веровать, чтобы спастись”; и в этом заключается одно из существенных ее отличий от римской церкви. Но вместе с тем она обращается также систематически к принятому в католической церкви учению» [Джебб 1868: 3].

Итак, первое, что характерно для англиканства и для реформации в Англии: главой церкви является король. Удивительным образом это роднит англиканство с ортодоксальным христианством: считается, что очень несовершенная идея объединения двух ветвей власти задержала развитие Восточной Европы — и прежде всего России. На Западе же всегда господствовало представление о том, что церковь — отдельно, государство — отдельно. И надо сказать, что и Лютер, и Кальвин, и другие реформаторы не мечтали о том, чтобы объединить эти власти во что-то единое, они противопоставляли свою новую религию, новую доктрину сложившимся институтам, в то время как в Англии Генрих VIII сделал все возможное для того, чтобы обеспечить ту самую «симфонию», о которой мечтали представители политической философии Византии. С их точки зрения, необходимо было объединить две ветви власти, стремящиеся к одной цели. Король Англии это и сделал: объединил в одних руках власть и светскую, и церковную. Поэтому, когда говорят о том, что существует барьер для западных стран в виде идеи того, что государство и церковь должны быть едины и находиться в альянсе, то можно привести пример Англии, которая, несомненно, является западной страной, именно в этой стране произошла промышленная революция, и тем не менее главный принцип англиканства состоит в том же, в чем

и главная идея византийской философии: необходимо единство светской и духовной властей.

Еще один момент, специфический для реформации в Англии, заключается в том, что светская власть осуществляла насилие по отношению к противоположным в идеологическом отношении лагерям. Если позиция Лютера была однозначной — воевать с Римом, а позиция католиков также однозначной — подавлять реформацию как ересь, то в Англии наблюдалась амбивалентность: Генрих VIII без разбора уничтожал как католиков, так и протестантов. Из этого следовала ситуация, при которой ни одна из сторон не могла чувствовать себя в безопасности и вынуждена была, если хотела продолжить существовать, мириться с тем, что окончательным судьей в религиозных вопросах может быть только глава государства. Именно это «расшатало» устои церкви Англии и привело к тому, что со временем люди шли на поводу у прагматизма, т. е. принимали сложившуюся ситуацию и не пытались последовательно реализовать ту или иную линию.

На примере Томаса Мора мы можем увидеть, к чему приводила принципиальность: истинный католик, провозгласивший в своей «Утопии» полную веротерпимость⁵², на практике совершал невиданное насилие в отношении протестантов, при этом сам вынужден был в определенный момент положить голову на плаху, после того как Генрих VIII потребовал провозгласить его главой церкви — с этим Томас Мор согласиться уже не мог и стал одной из жертв реформации в Англии. В стране попеременно то сжигали тех, кто читал Библию, то делали их святыми, то принимали тезисы, близкие к программе Лютера и в целом реформаторские, то возвращались к традициям и символам веры католической церкви, причем все это происходило в течение жизни одного-двух поколений. Каждый, находясь в Англии, мог убедиться в том, что самая рациональная стратегия в тех условиях — не пытаться встать ни на одну из сторон. И именно такой вид политики позволил англиканству идти «путем середины».

Кроме того, в Англии был совершен противоречивый синтез двух доктрин: католической и протестантской. Даже по двум основным документам англиканской церкви можно понять, насколько это была

⁵² «В его “Утопии” были разрешены все религии, а само христианство не пользовалось никакими привилегиями. Часто сравнивали теоретические идеи Мора с его практической жизнью и удивлялись, как этот пророк терпимости мог стать нетерпимым канцлером, а потом мучеником» [Моруа 2022: 276].

синкретическая картина мира. «Книга основных молитв» — документ, который понравился бы католикам, потому что сохранял все таинства и символы веры католической церкви. Надо отметить, что любой путешественник, посетивший англиканскую церковь, удивится тому, насколько она по своей пышности, красоте и богатству похожа на католические соборы. При этом второй документ «39 статей», который был принят при Елизавете Тюдор, гораздо больше понравился бы протестантам, потому что содержал положения, связанные с основными идеями реформации о важности чтения Библии, ее распространении на английском языке и о том, что нет необходимости в таких институтах, как католическая церковь и монашество.

Это на поверхности явления. В глубине же англиканство с самого начала стремилось быть тем, что равноудалено и от стремления сохранить все как есть, с одной стороны, и от стремления полностью разрушать основы старой веры. Именно такая «калибровка» позволила Англии быть устойчивой к внешним шокам и пройти через ряд испытаний гораздо более достойно и с меньшими потерями, чем другие страны, по которым прокатились войны реформации. Эти войны разорили Испанию, Германию, Нидерланды, ничего похожего на восьмидесятилетнюю войну за независимость в Нидерландах в Англии не было, что позволило заложить основы консервативной политики Англии.

Следует отметить, что Символ веры в Англии часто менялся на противоположный⁵³ буквально за несколько лет, что не могло не бросаться

⁵³ «Кредо англиканской церкви было довольно туманным. После своей войны с монастырями Кромвель взялся за священные изображения. Латимер сжигал статуи Пресвятой Девы, а Кранмер отдавал на экспертизу мощи святых — в частности, кровь святого Томаса Бекета, подозревая, что это красная охра. Святой Томас, избалованный как изменник, предавший короля, был вычеркнут из списка святых после процесса по всей форме, и «инспекторы» Кромвеля уничтожили его раку в Кентербери. Но Генрих VIII знал, что, хотя англичане всегда были враждебны к монахам и церковным судам, в массе своей были не слишком благосклонны к протестантским новшествам. Ведь и сам Генрих претендовал на то, что остается защитником веры и главой католической церкви, — правда, он хотел, чтобы она была национально-католической (что казалось противоречием). Таким образом, после гонений на приверженцев прежней веры он стал не менее энергично преследовать протестантов. Тиндейл, первым напечатавший английскую Библию, был сожжен; остальные подверглись той же участи за то, что отрицали пресуществление. После многих попыток определить, что же такое англиканская церковь, Генрих VIII велел палате лордов поставить на голосование статут из шести пунктов, прозванный “Кровавым биллем” или “шестихвостым бичом”, — этот закон утверждал

в глаза обычным гражданам. Такая ситуация сказывалась и на желании заниматься метафизическими и спекулятивными вопросами о вере. Несомненно, некоторое число радикалов стремилось к тому, чтобы отстаивать чистоту своей веры. Для большинства же вопросы догматики были не слишком интересны. Постепенно складывалось движение, связанное со стремлением направить энергию религиозных споров и конфликтов в более конструктивное русло, а именно в русло литературного творчества, поэзии и науки. Можно сказать, что с Генриха VIII в Англии начинается движение к секуляризации. Хотя сам король вряд ли стремился к этому из-за своих туманных взглядов на религию и постоянных перемен фаворитов в политике (эту политику продолжили осуществлять его преемники Эдуард VI, Мария Кровавая и Елизавета Тюдор). Английская публика решила, что лучшая стратегия заключалась бы не в пикировании с властью, а в молчаливой согласии с теми изменениями Символа веры, которые предлагала власть в данный конкретный момент: если переводчика Библии сжигали как еретика — публика молчала; если Библию в переводе этого же человека обязывали читать в каждой церкви — народ молчаливо соглашался; если уничтожали монастыри — народ этому не сопротивлялся; если пытались восстановить в период правления Марии Кровавой институт монашества и римскую власть — также народ этому не сильно сопротивлялся; а когда к власти пришла Елизавета Тюдор и гораздо более последовательно стала реформировать церковь, то и это не вызвало большого сопротивления, хотя через какой-то промежуток времени Елизавете также потребовались репрессии по отношению к инакомыслящим. Все эти разброд и шатания сказались на том, что в Англии, в отличие от других стран, реформация имела четкую идеологию и каждый должен был сделать выбор, с кем он. Так как это было довольно опасно, лучше всего было либо о своих взглядах не говорить, либо принимать официальную позицию, которая была настолько же расплывчатой, как и стремление сесть между двух стульев католицизма и протестантизма.

пресуществование, бесполезность двух видов причастия, обоснованность обетов целомудрия, превосходство безбрачия для духовенства, а также одобрял исповедь и проведение частных богослужений. Любое явное нарушение этого статута должно было караться костром, даже отречение не могло спасти виновного. Епископам-протестантам, таким как Латимер, пришлось уйти. Кранмер, который до реформации был тайно женат и всегда перевозил жену в сундуке с дырками, был вынужден отправить ее в Германию» [Моруа 2022: 294–295].

Уже в XVIII веке Шарль Луи Монтескье говорил о том, что настоящей глубокой религиозности у англичан нет: «Когда кто-нибудь из англичан говорит: “Мой Символ веры”, все начинают смеяться». Конечно, похожие процессы происходили в других европейских странах, но позже и с гораздо более серьезными потерями, которые предшествовали секуляризации. В Англии же можно было себе позволить довольно кощунственное поведение в отношении церкви и даже религии в начале XVI века. И заложил основу такой политики и таких взглядов на церковь Генрих VIII Тюдор.

Следует отметить, что у Англии была еще одна специфика, связанная с экономическими интересами элит и землевладельцев. Дело в том, что еще с XIV века, когда первый перевод библии на английский язык совершал Джон Уиклиф, стало понятно, что англичанам гораздо ближе идея о том, что у церкви не должно быть такого большого количества земли, какой по факту она получила от английской короны. Землевладельцы в Англии уже тогда симпатизировали идеям Уиклифа и далеко не сразу отказались от его идей, несмотря на признание его учения еретическим Римом. Уже эта история показывает, что в Англии были популярны идеи, связанные с перераспределением земли от церкви в пользу землевладельцев, в пользу англичан. Поэтому, когда Генрих VIII закрывал монастыри и отнимал земли у католической церкви, передавая ее своим друзьям и знакомым, которые, конечно же, были землевладельцами, представителями английской элиты и не забывали свои интересы, английское общество довольно одобрительно на это смотрело.

Как мы уже отметили, в англиканстве существует два текста, которые являются основой веры. Это «Книга общих молитв» и «39 статей». Обе книги признаны важнейшими, и одновременно каждая из них удовлетворяет тому запросу, который характерен для противоположных лагерей. Получается, что в англиканской церкви на одной скамеечке рядом друг с другом могли сидеть люди с разными взглядами на необходимость реформации (прямо скажем — с противоположными взглядами) и тем не менее быть вполне удовлетворенными сложившейся ситуацией: один читает католический текст «Общих молитв», другой — «39 статей». И каждый доволен. Рыночная конкуренция между различными религиозными идеями была наиболее последовательной именно в Англии. Можно было быть тем или иным человеком с религиозными взглядами, но, если ты не делаешь из этого политических выводов, имеешь возможность продолжать верить в то, что считаешь необходимым. Конечно, далеко не сразу такая ситуация

сложилась, и при Генрихе VIII никто не мог понять, что нужно делать, чтобы быть не подвергнутым гонениям, но именно это привело к тому, что люди стали терпимо относиться к различным взглядам своих соотечественников, явная или неявная договоренность не обсуждать вопросы веры привела к тому, что, хотя Символ веры, состоящий из двух текстов, довольно противоречив, тем не менее он не противоречит интересам «политического тела» Англии.

В этом смысле Генрих VIII в 1542 году обращался к своему совету: «Мы были оповещены нашими судьями, что ни в какое другое время не стоим столь высоко в нашем королевском сане, как во время заседания парламента, где мы как глава, а вы как члены соединены и связаны в единое политическое тело». В том же самом духе была ранее, в 1533 году, составлена преамбула «Акта об ограничении апелляций», где Генрих VIII заявил, что, согласно древним авторитетам, Англия является империей, управляемой одним высшим главой и королем, имеющим достоинство и королевский сан их имперской короны, с которым связано политическое тело, состоящее из людей всех родов и состояний, разделенных на сословия, духовные и светские... «Мы всё еще узнаём здесь старое органологическое учение. Теперь оно послужило Генриху VIII, чтобы инкорпорировать *Anglicana Ecclesia*, так сказать, изначальное и подлинное *corpus mysticum* в его “империю”, в *corpus politicum* Англии, главой которого он как король сам и являлся. Слияние тела политического и тела духовного было абсолютным» [Канторович 2014: 329].

А ведь, по существу, Генрих VIII в Акте о супрематии 1534 года потребовал, чтобы частью политического тела монархии стала церковь, если во всех других странах «политическое тело» и церковь были отделены друг от друга, при этом церковь стремилась к тому, чтобы воздействовать на государство, а в Англии Генрих VIII потребовал, чтобы абсолютная власть монарха была распространена и на церковь⁵⁴. Если вспомнить знаменитый титульный лист работы Томаса Гоббса «Левиафан», то мы увидим, что тело государства состоит из множества фигурок разных людей. То есть каждый гражданин государства-Левиафана должен чувствовать себя частью большого целого — должен партиципировать с ним. В отношении церкви это сделал Генрих VIII — он потребовал, чтобы церковь Англии партиципировалась к политической

⁵⁴ «Генрих понимает церковь как простое *corpus politicum* и, следовательно, как неотъемлемую часть королевства Англии» [Канторович 2014: 330].

власти, т. е. стала частью «политического тела» государя, фактически частью Генриха VIII.

Моруа подводит такие итоги его правления: «Неограниченная власть высвобождает в человеке его худшие наклонности. Генрих VIII велел своим судьям посылать на смерть протестантов, католиков, старую графиню Солсбери; да и сам Кранмер не мог считать себя в безопасности. Когда изучаешь царствование Генриха VIII, трудно уберечься от чувства ужаса. Напрасно нам сообщают, что он реорганизовал флот, построил арсеналы, основал штурманскую школу, присоединил Уэльс, усмирил Ирландию. Никакой преходящий успех не может оправдать ни эшафоты Тауэра, ни костры Смитфилда. Говорили, желая найти ему извинение, что ужасные казни постигли лишь весьма скромное меньшинство. Какая разница? Такое количество жестокости не могло быть оправдано» [Моруа 2022: 297]⁵⁵.

Мария Кровавая и восстановление католицизма в Англии

Эдуард VI⁵⁶ — единственный сын Генриха VIII — недолго прожил после того, как стал монархом. Он вызывал всеобщее восхищение, его называли «юным Осией» за широкое образование, за знание латыни других языков. Будучи болезненным ребенком, он, как и многие другие, опасался того, что после смерти главой государства станет Мария, которая, как всем было понятно, попытается вернуть Англию в лоно католической церкви. При Эдуарде VI были серьезные финансовые проблемы и в полной растерянности она не могла знать безработица.

В 1553 году на престол восходит Мария Тюдор, которую назовут

⁵⁵ Оценки Дмитрия Травина, по сути, совпадают: «Генрих VIII вел себя во многом как типичный ренессансный монарх. Войны, интриги, схватки с противниками были делом всей его жизни. Методичное выстраивание государства, забота о благосостоянии своих подданных не находились в сфере его интересов» [Травин, Маргания 2016: 10].

⁵⁶ «Признаки религиозных противоречий можно найти и среди членов королевской семьи. Эдуард проповедовал «душевный мир и покой», предпочитая его измененной религии, и начал даже писать трактат на французском языке о верховенстве папской власти; в то же время его старшая сестра Мария четыре раза в неделю посещала мессы» [Акройд 2023b: 274].

Марией Кровавой за ее жестокое обращение со сторонниками реформации⁵⁷. Попытка передать власть Джейн, так называемой девятидневной королеве, не увенчалась успехом, и Мария Тюдор стала королевой Англии. Дочь Екатерины Арагонской, Мария, всю жизнь мечтавшая вернуться в лоно католической церкви, попыталась то же самое сделать и в Англии, она вела переговоры с Римом и фактически осуществила реставрацию католицизма, несмотря на то что папа провозглашался главой церкви⁵⁸, но не решилась на юридический отказ от того, что она является главой английской церкви⁵⁹.

20 января 1555 года был восстановлен закон против ереси, 22-го начали заседать комиссии, 3 февраля был сожжен в Смитфилде первый женатый священник. Около 300 протестантских мучеников погибли в огне⁶⁰. «Эта казнь была столь ужасной, что помощники палача приносили пакетики с порохом и привязывали их к шее жертв, чтобы сократить их мучения» [Моруа 2022: 310].

В этот период не было особых реформ, и относительно недолгое время правления Марии запомнилось многим тем, что в последние годы ее жизни от нее все отвернулись и умирала она практически в гордом одиночестве. Главное, чем запомнилось для англичан правление Марии Кровавой, — это гонения на протестантов⁶¹. Знаменитая «Книга

⁵⁷ «Англичане уже получили от трех Тюдоров столько догм, что легко приняли бы еще несколько добавочных пунктов в договоре, лишь бы угодить дочери Генриха VIII» [Моруа 2022: 305].

⁵⁸ «Мария оставалась верховным главой церкви Англии, в то время как доктрина верховенства папы римского поддерживалась лишь на словах» [Акройд 2023b: 364].

⁵⁹ «К жизни вернулись и другие элементы католицизма. Картузианские монахи были высланы в Шин, в то время как бенедиктинцев возвратили в Вестминстер; доминиканцы воссоединились в госпитале Святого Варфоломея в Смитфилде, а францисканцы — в Гринвиче» [Акройд 2023b: 364].

⁶⁰ «Рассказы об этих казнях были собраны протестантским писателем Фоксом в «Книге мучеников», которая наряду с Библией появилась во всех английских домах. Гонения Марии дали протестантам то, чего им прежде не хватало: героико-сентиментальную традицию. Католические жертвы Генриха VIII мало тронули массу английского народа, потому что многие из мучеников были монахами или нищенствующими братьями, стало быть, существами привилегированными» [Моруа 2022: 310].

⁶¹ «Порядка восьмисот протестантов бежали в центры европейского протестантизма; в их числе было много клириков и ученых из университетов» [Акройд 2023b: 361].

мучеников» Джона Фокса стала одной из наиболее популярных книг в Англии второй половины XVI века. Описание жизни мучеников за веру во время правления Марии создало образ смиренных жертв, готовых вытерпеть страшные мучения⁶² и погибнуть за веру⁶³. В дальнейшем англичане не раз обращались к «Книге мучеников» для того, чтобы дистанцироваться от той эпохи, которую пыталась вернуть Мария Кровавая.

Елизавета и калибровка «срединного пути»

Через пять лет после восшествия на престол Марии Тюдор власть досталась ее сестре Елизавете — дочери Анны Болейн, которая в известном отношении случайно оказалась во главе государства. Наблюдая за всеми распрями внутри Англии и внутри короны, Елизавета выработала очень хитрый и цепкий ум, который позволил ей править страной на протяжении 45 лет⁶⁴. Можно было задать вопрос: «Была ли она

⁶² «Любой принесший вязанку хвороста в огонь получал сорокадневную “индульгенцию” от мук чистилища, поэтому родители отправляли своих отпрысков с топливом для костра» [Акройд 2023b: 369].

⁶³ «Настало время сожжений. Одной из ранних жертв стал Джон Хупер, епископ Глостерский. Его везли из Ньюгейта с мешком на голове, затем конвой передал его в епископство, где 9 февраля он был привязан к столбу. Страдания его были очень сильными, поскольку связки молодого хвороста горели крайне медленно; огонь достиг лишь его ног и нижней части тела; когда он погас, епископ вскрикнул: “Ради Господней любви, добрые люди, дайте мне больше огня!” — после чего зажгли более интенсивное пламя. Очевидец писал, что “он молотил себя руками в грудь, пока одна рука не отвалилась; он продолжил колотить другой рукой”» [Акройд 2023b: 367]. «Когда было зажжено пламя в Джесус-Грин, Кембридж, огонь поддерживали с помощью книг. Одной из них была книга о причастии на английском языке, и страдающий в огне поднял ее и читал до тех пор, пока дым и пламя не заволкли страницу. Другая жертва, по воспоминаниям, “сладко спала” в огне. Когда доктор богословия шел к столбу, он внезапно начал танцевать» [там же: 368].

⁶⁴ «В каждой из своих речей в парламенте Елизавета заявляла, что трудится исключительно на благо подданных. “Всемогущей властью Господа, — утверждала королева, — я поставлена Его орудием, чтобы защитить вас от любых опасностей, бесчестия, позора, тирании и угнетения, в частности с ожидаемой от вас помощью, которую мы охотно принимаем, так как она демонстрирует всю величину вашей доброй любви и преданности вашему суверену”. Именно при Елизавете Тюдор начинает формироваться понятие “общественного договора” как составной части одной из самых распространенных в английской политической мысли теории

в душе католичкой или протестанткой? Некоторые полагают, что она была язычницей или, на худой конец, скептиком» [Моруа 2022: 317]. «В религии, как и в политике, она выжидала, искала золотую середину и всегда стремилась к компромиссу» [там же: 318].

В первый период своего правления Елизавета сделала все возможное, чтобы вернуться к принципам религиозной свободы⁶⁵. От католицизма Марии Тюдор не осталось и следа. Было признано, что Елизавета не спорит на темы религии⁶⁶. Тем самым обеспечивается «англиканский синтез», основанный на терпимости⁶⁷.

Однако продолжилось это недолго: когда началась война с Испанией, выяснилось, что у Елизаветы множество внутренних врагов и они так или иначе связаны с католицизмом, с одной стороны, и пуританством — с другой⁶⁸. Хотя в «Книге мучеников» Джона Фокса описывались страдания верующих, погибших за веру во времена Марии, не менее жестокие казни совершались и в последующие годы правления Елизаветы Тюдор.

происхождения государства. Елизавета I многократно повторяла, “что нет монарха, который любит своих подданных больше” [Царева 2020: 227].

⁶⁵ «В 1563 году были приняты “39 статей”, которым предстояло остаться кредо англиканской церкви. Их умеренный протестантизм почти соответствовал желаниям нации. Кардинал Бентивольо, описавший состояние религий в Англии в царствование Елизаветы, прикидывал, что ревностных католиков тут примерно одна тридцатая, однако четыре пятых нации вновь без сожалений стали бы католиками, если бы католицизм был легально восстановлен, хотя и не способны восстать, если этого не произойдет» [Моруа 2022: 318]. «За исключением немногочисленных семейств особенно ревностных католиков, преданность монарху повсеместно одержала верх над религиозным чувством. Если бы Елизавета была всемогущей, в стране установилась бы относительная веротерпимость. При ее дворе тоже были криптокатолики, и она требовала от них только видимости подчинения правилам. Она не хотела ни протестантской инквизиции, ни пыток, чтобы контролировать веру подданных» [там же: 319].

⁶⁶ «Когда в 1584 году назрела необходимость созвать очередную сессию парламента, королева предельно четко сформулировала свой запрет касаться вопросов веры. Лорд-канцлер Т. Бромли объявил, что она охотно дает согласие на просьбу общин о свободе слова, однако запрещает им обсуждать между собой религиозные дела» [Дмитриева 2021: 456].

⁶⁷ Так, Джон Ди сменил католицизм на англиканство, не испытывая враждебности к своей старой вере [Джонсон 2010: 305].

⁶⁸ «Следует вскользь упомянуть о том, что в правление Елизаветы около двухсот католиков подверглись удушению или вспарыванию живота. Многие из погибших были бы сожжены в рамках религиозной политики Генриха VIII» [Акройд 2023b: 371].

Фокс отмечал, что ему очень жаль, что практика нетерпимости⁶⁹ Марии Кровавой перешла на эпоху правления Елизаветы Тюдор⁷⁰.

Действительно ли стоит утверждать, что при Тюдорах произошли значительные перемены в политической жизни страны? Можно ли говорить о том, что именно в эту эпоху закладывается особая роль парламента в политической системе Англии? Факты свидетельствуют о том, что в период от Генриха VII до Елизаветы Тюдор парламент играл скорее декоративную роль, чем был настоящей политической силой. Конечно, вопросы налогов, денежного обращения и войн были важны как для короны, так и для парламента, но в наиболее существенных вопросах парламент всегда стремился следовать за интересами короны. Следовательно, перемены носили больше символический характер.

Надо отметить, что Елизавета демонстрировала свое уважение к парламенту в гораздо большей степени, чем это было при Генрихе VII или Генрихе VIII, хотя даже они стремились к тому, чтобы сохранить формально роль парламента, пусть собирался он крайне редко и, по сути, всегда одобрял то, чего желал монарх. Это было и в случае с Генрихом VIII, по распоряжению которого принимались необходимые законы и пересматривался закон, регулирующий деятельность церкви. Ситуация мало изменилась при Елизавете, парламент был довольно ручным: чтобы он почувствовал свою силу и продемонстрировал свои возможности, потребовались время и слабый монарх. Именно это произошло в 1640 году во время Гражданской войны⁷¹.

⁶⁹ «Ее совет повелел казнить 147 священников, 47 дворян, большое количество людей из народа и даже женщин» [Моруа 2022: 321]. «С Женовой обходились не лучше, чем с Римом, поскольку кальвинизм, распространившийся тогда в Англии и породивший пуританство, считался не менее подозрительным, чем католицизм. Пуритане хотели стереть последние остатки римских ритуалов и уничтожить всякую иерархию, напомиनावшую им о “Вавилоне”» [там же: 321].

⁷⁰ «Начиная с 1570 года католических священников и мирян стали казнить в Англии не за ересь, а за измену. Последовали чудовищные церемонии, когда окровавленные тела повешенных, четвергованных, потом нарубленных на куски людей бросались в котлы с кипящей смолой. Многие из тех, кто по этому обвинению подвергся мучительной казни, оказались невиновными или даже святыми. Таков был случай иезуита Кэмпiona, по поводу которого сам Сесил был вынужден признать, что тот был “одним из сокровищ Англии”, а его единственное преступление состояло в том, что он ходил по домам, проповедуя и служа мессу» [Моруа 2022: 320].

⁷¹ «Пришло время для каждого англичанина выбрать свой лагерь. Однако большая часть из них не желала ничего выбирать. Эта революция была отнюдь не из тех гигантских волн, которые поднимают массы» [Моруа 2020: 399].

В английском парламенте активно обсуждались республиканские тексты, постоянно цитировались Цицерон, Сенека, Гораций и другие римские мыслители. Благодаря этому развивалась культура политической дискуссии, возрождались республиканские ценности⁷². Но в период правления Тюдоров это не оказало никакого влияния на экономическую политику или на поведение Елизаветы в отношении тех, кто ей не нравился: она казнила и католиков, и пуритан, если это было политически необходимым, и парламент ничего не мог противопоставить этому. Все Тюдоры были довольно сильными монархами, и именно это привело к тому, что институт парламента не получил особого развития за 118 лет правления династии Тюдоров.

По-настоящему он смог «расправить крылья» только в период Славной революции 1688 года, именно с этого периода можно говорить о переходе центра власти от монарха к парламенту. Но даже этот переход не привел к изменению самой деятельности элит. Да, вместо власти одного появилась власть многих, но ни политика меркантилизма, ни политика абсолютизма никуда не делись, власть была сосредоточена в руках небольшой группы лиц, и продолжалось проведение политики, очень далекой от экономической и индивидуальной свободы. Англия по-настоящему начала модернизироваться только после промышленной революции, и парламент при Тюдорах не сыграл здесь существенной роли.

Можно согласиться с выводом Дмитрия Травина: «Простым людям в елизаветинское время жилось трудно, зато коррупционеры⁷³ процветали. В частности, представители власти охотно раздавали монопольные

⁷² «Среди древних авторов, на которых ссылались парламентарии, наряду с Вергилием, Овидием, Ювеналом, были Гомер, Плутарх, Теренций, Плавт, Гораций, Сенека. При этом повод для обращения к ним мог быть совершенно непредсказуемым» [Дмитриева 2021: 281].

⁷³ «Ее [Елизаветы] главный советник Уильям Сесил, ставший затем лордом Берли, разбогател на разграблении монастырского имущества и основал род» [Моруа 2022: 315]. «Если по поводу ума Сесила согласны все современники, то Маколей упрекает его в том, что тот по своей природе скорее был ивой, чем дубом. Он очень пекся о государственных интересах, но также уделял большое внимание интересам своей семьи. Никогда не бросал своих друзей, пока не становилось опасным поддерживать их, был превосходным протестантом, когда не было выгодным оставаться папистом, никогда не велел пытать тех, у кого, как ему казалось, пытка не может вырвать полезных сведений, и был столь умеренным в своих желаниях, что оставил после своей смерти лишь 300 имений» [там же: 316].

права на ведение отдельных видов бизнеса⁷⁴. Цены от этого увеличивались, прибыли возрастали, а чиновники получали откаты» [Травин, Маргания 2016: 14].

Секрет английского газона: устранение крайностей (via media)

Чтобы получить идеальный газон, его нужно всего лишь регулярно стричь и поливать. И лет через триста вы получите желаемое.

Народная мудрость

Что можно сказать об итогах правления династии Тюдоров на 1603 год? Мы можем отметить следующее: в политике и экономике это абсолютизм и меркантилизм; в религии — стремление двигаться по «срединному пути». Таков итог 118 лет правления династии Тюдоров.

Таблица 2. Итоги 118 лет правления династии Тюдоров

	1485 год	1603 год
Экономика	Меркантилизм	Меркантилизм
Политика	Абсолютизм	Абсолютизм
Религия	Католицизм	Англиканство

В табл. 2 мы видим, что происходило в политике, экономике и религии за период правления Тюдоров. В политике за 118 лет абсолютизм стал лишь более крепким; в экономике наблюдаются усиление

⁷⁴ «Частные билли всегда проводятся с настойчивостью и порождают раздоры». Этим замечанием мы обязаны анонимному депутату, изложившему в 1572 году свои соображения о том, как оптимизировать работу парламента. По его мнению, многочисленные билли профессиональных корпораций не только отнимали слишком много времени в каждую сессию, но и становились причинами ожесточенных разногласий между «фракциями», поддерживавшими ту или иную гильдию. Наиболее активными лоббистами, чью закулисную деятельность возможно проследить, были мощные компании Лондонского сити — виноторговцы, пекари, оружейники, мясники, торговцы рыбой, пивовары, бочары, кожевенники, обувщики, маляры, штукатуры» [Дмитриева 2021: 560].

протекционизма и последовательное осуществление идеологии меркантилизма. В этом отношении Елизавета Тюдор вовсе не была более прогрессивно мыслящим монархом, чем Генрих VII, — в частности, она очень негативно относилась к техническим изобретениям, которые, как она полагала, вызовут рост безработицы в Англии, поэтому запретила выдавать мастеру Ли патент на его изобретение⁷⁵.

Шекспир написал пьесу, посвященную Генриху VIII. Хотя в ней не скрываются кроважидные действия этого монарха, тем не менее заканчивается она на мажорной ноте, а именно на рождении Эдуарда VI. Для тех, кто не знает дальнейшей истории, может показаться, что Шекспир как бы дает шанс этому монарху и его династии. По крайней мере, в сознании читателей все заканчивается не тем, что на сыне Генриха VIII фактически прерывается мужская линия рода Тюдоров. В лице Эдуарда VI, несмотря на то что Шекспиру известно, чем закончится эта история, у данной линии Тюдоров есть шанс на осуществление перемен к лучшему: даже если не в виде правления рода Тюдоров, то как минимум в форме прогрессивных изменений в культуре, которые, несомненно, были характерны для того времени, когда творил Шекспир. Да и сам Шекспир был частью периода эмансипации и движения в сторону интереса к личности и ее внутренней борьбе в поисках истины.

Можно даже задаться вопросами: был ли Шекспир христианским писателем и можно ли в образах Гамлета найти убежденного верующего человека? Или же в «Гамлете» и других известных произведениях драматурга (например, «Макбет») мы можем обнаружить мировоззрение, больше похожее на мировоззрение язычника, чем христианина⁷⁶.

⁷⁵ «В 1589 году “станок для вязания чулок” был готов. Ли поехал в Лондон с намерением добиться аудиенции у Елизаветы I, продемонстрировать ей, сколько пользы может принести его механизм, и попросить ее величество предоставить ему патент, который бы не позволил другим копировать его конструкцию. Сняв дом, в котором можно было установить машину, он через депутата парламента Ричарда Паркинса добился аудиенции у Генри Кэри, лорда Хадсона, члена королевского Тайного совета. Кэри пригласил Елизавету посмотреть машину, однако ее реакция была обескураживающей. Она отказалась предоставить Ли патент, заметив: “Вы замахиваетесь слишком высоко, мастер Ли. Подумайте, что это может означать для моих бедных подданных. Это наверняка ударит по ним, так как лишит их работы и сделает нищими”» [Аджемоглу, Робинсон 2014: 147].

⁷⁶ Крейн Бринтон писал о Шекспире: «Он был мудрым человеком, но, судя по его творчеству, — а другого мерила у нас, к счастью, нет, — в нем была заложена горечь, которой не найдешь в ортодоксальном христианстве и которая редко присутствует в Просвещении XVIII века. Вряд ли был он и верующим христианином.

Хотя Елизавета Тюдор не ответственна за развитие английского театра и английской литературы, тем не менее именно в конце XVI — начале XVII века театр Англии становится массовым явлением и публика с интересом следит за диалогами, в которых ставится под вопрос смысл человеческого существования. Что лучше: быть или не быть? Вряд ли это характерный вопрос для человека, который готов спастись «только верой», к чему предлагал стремиться Лютер. Как представляется, Гамлет является олицетворением той растерянности, которая была характерна для позднего периода правления Тюдоров, потому что этот персонаж задает вопрос, который в дальнейшем будет подталкивать западное общество к секуляризации и модернизации, но также и к тому, что вовсе не входило в планы английских актеров: к политическому либерализму и капитализму.

И хотя, как не раз говорилось выше, экономических достижений в ту эпоху мы не видим, культурные достижения неоспоримы. По всей видимости, Шекспир мог быть только в Англии и оказался он возможным благодаря тем переменам, которые подспудно связаны с религиозными реформами в стране.

Если мы посмотрим на ситуацию в религии, то за период правления Тюдоров происходит переход страны от католицизма к англиканству. Причем само англиканство представляет из себя амальгаму различных идей, взятых из католицизма, лютеранства, кальвинизма и пуританства. В религии англичане совершили свой «великий англиканский синтез», который состоял в признании религиозных идей, несовместимых друг с другом с логической точки зрения, но приемлемых с политической позиции; так как это противоречие было очевидно для всех мыслящих людей, включая монарха, то творческая энергия писателей и мыслителей направлялась не в сторону оттачивания аргументов в пользу той или иной теологии, а прежде всего на то, чтобы заняться позитивными науками.

Поэтому одно из требований знаменитого Лондонского королевского общества, которое было основано теми же самыми людьми, что до этого приняли «срединный путь» англиканства, состояло в том, что в Лондонском королевском обществе обсуждаются не вопросы веры, а только научные вопросы.

Во всяком случае, в нем нет ни христианской теплоты, ни христианского приятия воли Божьей. Судьба, мир, вся ткань жизни не кажутся ему устроенными на благо или даже ради испытания человека. По-видимому, он не верит, что все это можно как-то изменить» [Бринтон 2003: 78–79].

Таким образом, если искать глубинные истоки того, «почему у Англии получилось», то их нельзя обнаружить ни в экономических, ни в политических особенностях эпохи Тюдоров, но можно найти в истории религии и особенностях английской реформации.

И здесь мы подходим к ключевому вопросу. Почему промышленная революция произошла в Англии, а не в Испании, Нидерландах, Франции или Германии? Дело в том, что и в Испании, и в Нидерландах, и во Франции, и в Германии, и в Швейцарии не было «золотой середины» англиканства. Не было стремления к тому, чтобы урегулировать враждующие стороны. Почти каждая сторона проклинала Эразма Роттердамского за попытку встать над схваткой. Его проклинал Лютер, его проклинал папа римский. И только Англия отдавала должное и Символу веры католицизма, и необходимости чтения Библии. Она сохраняла все лучшее из прошлого и стремилась двигаться в будущее. Она шла срединным путем — VIA MEDIA. Почему не получилось в Испании или Италии? Потому что был перекос в сторону традиции и католицизма. Почему не получилось в Нидерландах, Германии и Швейцарии? Потому что был перекос в сторону отказа от традиции. Получается, что восьмидесятилетняя война Нидерландов за независимость, разорившая Нидерланды и Испанию, была вызвана нежеланием мириться с тем, что может быть другая точка зрения, кроме принятой. То же самое характерно и для кальвинизма в Швейцарии и Шотландии⁷⁷. Прогресс в Шотландии только тогда начинается, когда очень влиятельная и, видимо, самая крупная кальвинистская страна отказывается от радикальных принципов кальвинизма. Именно тогда начинается шотландское Просвещение⁷⁸. Тем не менее мы знаем, что в Англии через 37 лет после смерти Елизаветы Тюдор случается революция. К власти приходят пуритане.

Как это совместить с той точкой зрения, что в Англии сложился компромисс, где вопрос религии выносится за скобки во всяком культурном обществе?

⁷⁷ «Если бы это было в их силах, они восстановили бы все законы Моисея, включая закон возмездия “око за око, зуб за зуб” и смертную казнь за богохульство, клятвопреступление, несоблюдение субботы, прелюбодеяние и блуд» [Моруа 2022: 321].

⁷⁸ «Шотландская культура и экономика достигли расцвета, по правде говоря, только после того, как кальвинизм со всеми его потребительскими запросами начал ослаблять хватку» [Джонсон 2010: 297].

Конечно, пуритане оказали существенное воздействие на политическую жизнь Англии, но, по всей видимости, это было то отклонение от «золотой середины», которое научило англичан не идти слишком далеко по пути радикализации. Период протектората Кромвеля показал то, насколько стремление пуритан отказаться от театра, пива и иных английских традиций несовместимо с национальной культурой, уважающей свободу. Довольно быстро англичане увидели, что чисто пуританская политика не ведет к тем результатам, которые им бы хотелось осуществить. Свершилась Реставрация.

В последующем, как мы знаем, была совершена Славная революция, которая значительно изменила картину мира, но эта революция была уже связана не с религиозными вопросами, а имела политическую подоплеку. Это был конфликт парламента и монархии, где стало понятно, что главным институтом в политической жизни Англии будет именно парламент. Но это будет парламент, который соблюдает неписанный принцип «золотой середины», где никаких крайностей не потерпят.

Получается, что секрет успеха Англии состоит в том, что каждый внешний шок, как, например, Английская революция 1640 года, был чем-то вроде калибровки, которая приводила к новому равновесию. То есть всякое отклонение от «срединного пути» относительно быстро осознавалось и купировалось. Такого не было во время религиозных войн в континентальной Европе, где они могли длиться десятилетиями. В Англии это не приводило к подобным по масштабу кровавым столкновениям внутри страны. Англия полностью не избежала подобных проблем, но потери были значительно меньше, чем в континентальной Европе, не в последнюю очередь это связано с «срединной политикой» англиканства.

Уже в конце XVI века, а тем более в начале XVII столетия в Англии распространяет свое влияние движение латитудинариев (людей с широкими взглядами)⁷⁹. Они были сторонниками «широких взглядов» на

⁷⁹ «Английская королева Елизавета была, без сомнения, эрзмианской принцессой, образованной, умеренной в своих отношениях с религией, покровительницей таких ученых, как доктор Ди» [Джонсон 2010: 304]. «Фрэнсис Бэкон, у которого был собственный взгляд на “великое возрождение” образования и науки, опубликовал свой труд “Об успехе знания” (Advancement of Learning, 1605). Уже создавались его “Новый Органон” (Novum Organum) и “Новая Атлантида” (New Atlantis), воплощавшие мечту милленариев о прочном фундаменте для экспериментальной науки. Как было в Греции и Риме, считал он, возникает новая цивилизация. “Воистину, когда я вижу перед собой тогдашний мир, в который в третий раз

религию, историю, политику, искусство и науку⁸⁰. Начинают создаваться общества, в них приглашают математиков, физиков, химиков, историков, т. е. людей, которые готовы конструктивно сотрудничать, даже если у них несовместимые друг с другом религиозные убеждения. Так зарождается веротерпимость, причем происходит это задолго до Великой французской революции и появления Вольтера, Дидро и французских просветителей. Начинается это, по существу, еще со скептицизма первой половины XVI века во времена Генриха VIII. Но наибольшую силу движение приобретает в начале XVII века, что готовит Европу к научной революции. Следует обратить внимание, что наиболее важные для научной революции работы были написаны именно англичанами: Фрэнсис Бэкон в 1605 году пишет свою работу, где формулирует принципы эмпиризма: наука должна стать ориентированной на опыт и эксперимент. Еще один важнейший текст, рождающийся в рамках английской науки, — знаменитые «Начала натуральной философии» Исаака Ньютона, где применялся тот самый метод Бэкона: математический метод, совмещенный с экспериментами в физическом мире. Ну и наконец еще один текст, изменивший наш взгляд на устройство общества и на права людей, это «Два трактата о правлении» Джона Локка. Все эти трактаты появились уже в другую эпоху, после правления Тюдоров, но есть основание полагать, что постепенные изменения в культуре, связанные с правлением Тюдоров, заложили основы того взгляда на необходимость позитивных наук, отделенных от вопросов религии, что и породило научную революцию.

Итак, почему случилась Английская революция 1640 года? Ответ следует искать не в религиозной сфере, а в политическом цикле, который проходила Англия на протяжении двух веков. Война Алой и Белой

уже является наука, я не могу не прийти к убеждению в том, что этот третий период далеко превзойдет греческую и римскую ученость — если только люди осознают свою силу и свою слабость и возьмут друг от друга свет изобретательности, а не огонь противоречий”» [там же: 305].

⁸⁰ «Там, где пытки не применялись, как, например, в Англии, случаи колдовства были совсем редкими, а признания жертв не столь душераздирающими» [Джонсон 2010: 282]. «Английские пуритане в общем и целом не были ярыми преследователями ведьм, и за весь период с 1542 по 1736 год ими была казнена (повешена) в Англии тысяча человек — против 4400 в кальвинистской Шотландии за девяносто лет, начиная с 1590 года» [там же: 292].

розы привела к тому, что был особый запрос на сильную руку⁸¹: такой рукой стал вначале Генрих VII, потом Генрих VIII, и в целом вся династия Тюдоров. Англичане за это время «накушались» стабильности, и в следующий период зародилась идея о том, что парламент может и должен выполнять особую роль в Англии — ведущую роль, — но на практике при Тюдорах эту роль не выполняет.

Когда приходит к власти слабый монарх Карл I, то его конфликты с парламентом, которые невозможны были бы при таком монархе, как Генрих VIII, приводят к тому, что побеждает парламент и монарху отрубают голову. Казалось бы, англичане получили долгожданную свободу и наконец живут в республике, но такая «анархия» снова англичанам не понравилась, они быстро увидели, к чему приводит правление Кромвеля и пуритан, они уничтожают те институты и традиции, без которых англичане себя не мыслят. Поэтому после смерти Кромвеля была восстановлена монархия: Карл II стал главой государства. Это волна потребности в анархии быстро закончилась стремлением к тому, чтобы иметь политическую стабильность. К тому времени стало понятно, что англичанам не нужна ни абсолютная анархия, ни диктатор типа Кромвеля или Генриха VIII. Им нужна конституционная монархия — на практике, а не в теории. Осуществить англичанам это удалось только в следующей фазе политического цикла, когда произошла Славная революция.

Таким образом, события эпохи правления Стюартов вовсе не противоречат основному тезису данного препринта, состоящему в том, что Англия смогла модернизироваться раньше других стран благодаря тому, что внутри общества возникла индифферентность к религиозным вопросам и англичане оказались менее религиозными, чем французы, итальянцы, испанцы или голландцы. И события XVII века не противоречат этому положению, потому что уже были связаны не с религией, а с политическим циклом, который шел в Англии на протяжении нескольких столетий и привел к равновесию в виде работающей политической

⁸¹ «Писали, что монархия Тюдоров была столь же абсолютной, как и монархия Людовика XIV или империя цезарей; напоминали, что Елизавета держала парламент в ежовых рукавицах, что warrants были “запечатанными письмами”, что ее судьи подвергали обвиняемых пыткам, совершенно пренебрегая английскими законами. Но Людовик XIV имел под своим началом армии, а у Елизаветы, как у ее отца и деда, была только личная гвардия, столь слабая, что малейшее ополчение Сити могло бы разгромить ее. Она была сильна лишь потому, что была любима или, по крайней мере, ее предпочитали другим» [Моруа 2022: 312].

модели — конституционной монархии, где фактически власть находится в руках парламента.

В результате разграничения религиозных и научных вопросов происходит «сублимация» энергии в науку и искусство, активно начинают изучать древних, цитируют Горация, Сенеку и Цицерона. Сэмюэль Пипс⁸² в своем дневнике рассказывает о научных трудах, которые он постоянно читает. Несмотря на свою жуликоватость, этот автор на своей прикроватной полке размещает огромное количество книг, которые связаны с научной революцией. Это работы авторов, пишущих на темы химии, физики, математики, истории⁸³. Публика все больше интересуется светским, а не религиозным знанием. Как результат, именно в Англии создается Лондонское королевское общество, членами которого были Уильям Петти, Исаак Ньютон, Роберт Бойль и многие другие⁸⁴.

⁸² Александр Ливергант в предисловии пишет: «Мать Пипса и его брат Том были пуританами, сам же Пипс придерживался англиканского вероучения; католическую службу в часовне королевы он посещал главным образом из любопытства. Пипса едва ли можно назвать человеком набожным, хотя он и интересовался теологией, историей церкви; перед смертью тем не менее Пипс послал за священником» [Пипс 2016: 91].

⁸³ В дневнике Пипса читаем: «Был в книжной лавке, где приобрел “Органон” Бэкона и “Риторику” Фарнаби (15 мая 1660 года).

Встал в четыре часа утра и сел читать “Вторую речь против Катилины” Цицерона. Понравилась мне необычайно; никогда раньше не подозревал, что найду в нем столько для себя занятого. Теперь-то я понимаю, что дело было в моем невежестве. Более интересного писателя мне прежде читать не приходилось (13 июня 1662 года).

С мистером Шепли, мистером Муром и Джоном Боулсом — в Рейнскую кофейню; туда явился к нам Джонас Мур, математик. Весьма убедительно рассуждал о том, что когда-то Англия и Франция были одним континентом. Коснулся многих предметов, и не столько для того, чтобы доказать ошибочность Священного Писания, сколько давая понять, что те времена мы просто плохо себе представляем (23 мая 1661 года).

Прежде чем уснуть, сидел до двух ночи у себя в комнате и изучал “Наблюдения в микроскоп” мистера Гука, наиболее оригинальное сочинение из всех, что мне доводилось читать (21 января 1665 года)» [Пипс 2016: 99–107].

⁸⁴ «Отцы-основатели» Королевского общества были искренними христианами, но начинали признавать, что институциональные христиане с их раздорами и нетерпимостью были препятствием и барьером для научных поисков. Теперь они решили полностью сосредоточиться на науке и добились того, чтобы на заседаниях общества религиозные вопросы более не обсуждались. Здесь мы впервые видим сознательную попытку отделить науку от религии и обращаться с этими двумя предметами как с двумя разными сферами и направлениями познания» [Джонсон 2010: 308].

Когда наступает промышленная революция, когда огромное количество людей, еще вчера не обладавших высоким социальным статусом, становятся «новыми богачами», это с неизбежностью должно вызвать реакцию элит, в том числе интеллектуальных. Но в Англии в конце XVIII — начале XIX века интеллектуалы никак не реагируют на появление богачей. Этот вопрос должен обсуждаться не реформаторами, а учеными. Им ведает такая наука, как политическая экономия, получившая особую популярность именно в Англии. Хотя Томас Роберт Мальтус (1766–1834) был священником и при этом экономистом, в своих взглядах на промышленную революцию он придерживался политики невмешательства, как и подавляющее большинство экономистов той эпохи. Почему это произошло? Почему английские экономисты не осудили промышленную революцию за рост неравенства, за разрушение экологии или за то, что индустриализация приводит к отчуждению? По всей видимости, одна из причин состоит в том, что английская церковь, в свое время отделенная от научных и политических вопросов, вынуждена была просто-напросто принять изменения как данность.

Не пытаясь противопоставить социальные реформы «эксплуатации труда капиталом», следует отметить, что именно отсутствие противоположных сил в зарождающемся капитализме сделало возможным в Англии устойчивый экономический рост почти на протяжении всего XIX века. Именно это привело к тому, что Англия стала «фабрикой мира» и самой богатой страной XIX столетия.

Заключение

В книге Дмитрия Травина «Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара» в первом издании [Травин, Маргания 2011] была отдельная глава, посвященная Уильяму Питту-младшему и Адаму Смиту⁸⁵. К сожалению, в новом издании этой книги [Травин, Маргания 2016]

⁸⁵ «В 1783-м, когда ему было лишь 24 года, Питт стал премьером и канцлером казначейства (т. е. министром финансов). Этот блестящий молодой человек смог доказать, что действительно является учеником Адама Смита, книгу которого прочитал еще на студенческой скамье в Кембридже. Уже через четыре года после прихода к власти Питт заключил договор о свободной торговле с Францией, а затем снизил все таможенные пошлины, чтобы пресечь контрабанду. Для сбалансирования бюджета премьер активно сокращал расходы. А в политике отметилась тем, что фактически ввел в Англии свободу слова» [Травин, Маргания 2011: 98].

осталась Елизавета Тюдор, но исчез Адам Смит и, что особенно обидно, Уильям Питт-младший. Первые либеральные реформы в Англии проводила не Елизавета, а Уильям Питт-младший, который многократно сократил государственные расходы, обеспечил стабилизацию денежного обращения и провел политику фритредерства. Без сомнений, он был первым сторонником неограниченной свободной торговли. Елизавета же была большой противницей экономической свободы и жаловалась на то, что изобретатели уничтожают своими открытиями рабочие места ее подданных. Следовательно, экономической модернизации при Елизавете, по существу, не было. Она началась только при Уильяме Питте-младшем, но политические и религиозные изменения происходили уже в эпоху Тюдоров; главное же изменение, связанное с Тюдорами, — это изменение культуры⁸⁶ и религии. Основной итог их правления: постепенное отделение науки от религии. Формула Шарля Луи Монтескье, объясняющая причины успеха Англии, состоит в том, что есть три элемента, которыми англичане воспользовались лучше всего: это торговля, свобода и религия.

Следует отметить, что в первых двух элементах при Тюдорах особого прогресса не было: торговля была зарегулирована государством в эпоху меркантилизма. Про политическую и правовую свободу нечего и говорить. Модернизации в этом вопросе не было. Но вот третий элемент совершенно верно отмечается Монтескье — это религия. И главная особенность английского пути в данном вопросе состоит в том, чтобы отделить вопросы религии от вопроса науки. Чтобы это произошло, необходимо отделить церковь как моральный авторитет от вопросов, связанных с политической жизнью страны. Это осуществил в Англии Генрих VIII, фактически подчинив англиканскую церковь «политическому телу» Англии, главой которого, конечно же, является король. Это тем более заметно, если сравнить реформаторскую закваску англичан

⁸⁶ «В Лондоне продавали много произведений, переведенных с итальянского и французского, таких как “Декамерон” Боккаччо, “Опыты” Монтеня. У этих иностранных авторов Спенсер и Шекспир находили темы и примешивали к ним, придавая им собственно английское обаяние, окрашенную меланхолией серьезность своей нации, ее деревенскую поэтичность, ее глубокую и серьезную философию. Именно в правление Елизаветы театр занял в Англии, и особенно в жизни Лондона, большое место» [Моруа 2022: 347]. «Склонность к поэзии и музыке предполагает довольно прогрессивное образование. У людей Елизаветинской эпохи недостатка в нем не было. После Винчестера и Итона богатые покровители основали новые Public Schools: Пер (Rugby) в 1567 году, Харроу в 1590-м» [там же: 350].

по сравнению с тем, что происходило там, где господствовали идеи Лютера и Кальвина.

В этом препринте мы показали, что Лютера и Кальвина нельзя считать теми религиозными деятелями, которые хоть в какой-то степени ускорили экономический и политический прогресс в Европе. Их целью было вернуть общество в первые века христианской эры. В конечном итоге религиозные конфликты протестантов и католиков закончились признанием того, что ни одна сторона не может победить. Образовался блок католических стран и блок стран протестантских. Но по мере нахождения нового равновесия погибло огромное количество людей и было разрушено гигантское количество произведений искусства, где каждая сторона с фанатизмом доказывала, что только она является глашатаем истины. Веротерпимость не была характерна ни для одной из сторон. Но только в Англии идеи Эразма Роттердамского, пускай и противоречивым образом, были реализованы, что привело к тому, что англиканский синтез фактически обеспечивал признание равенства двух сторон. Итак, почему же промышленная революция случилась в Англии, а не в Нидерландах, Франции, Германии или Италии? Промышленная революция не случилась в этих странах, прежде всего, благодаря Лютеру и Кальвину — «спасибо» им за это; зато промышленная революция случилась в Англии — «спасибо» за это Генриху VIII⁸⁷.

В 1789 году один из основателей английской политической экономии Томас Роберт Мальтус был посвящен в духовный сан дьякона англиканской церкви, а в 1805 году он же получил кафедру профессора политической экономии в колледже Ост-Индской компании. Мальтус на 100 % поддерживал принципы *Laissez Faire*: «...богатство нации будет

⁸⁷ «Верующие молчаливо соглашались с новым религиозным мироустройством. Время и забывчивость вкуче с флегматизмом и безразличием медленно и безвозвратно расшатывали влияние старой религии. Таким образом, если к началу XVII столетия Англия стала протестантским государством, то протестантизм этот по своему характеру был разнородным и разобленным; мы лишь можем утверждать, что, возможно, Англия перестала быть католической. Время осуществило то, на что оказалась не способна воля человека. Непреходящее влияние реформации выразилось в акценте на отдельную личность вместо общества» [Акройд 2023b: 639].

лучше всего обеспечено тогда, когда каждому человеку будет позволено преследовать свои собственные интересы... правительства не должны вмешиваться в регулирование потоков капитала и промышленность, но предоставить каждому человеку свободу деятельности и получения прибыли» [Pullen 2018: 8135]. Как известно, альянс идеологии *Laissez Faire* и англиканской церкви очень раздражал Карла Маркса и его приверженцев, но помешать последствиям этого альянса в виде промышленной революции и модернизации в Англии они уже не могли.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2014.

Акройд П. Основание. История Англии. От самых начал до эпохи Тюдоров. М.: КоЛибри, 2023а.

Акройд П.: Тюдоры. История Англии. От Генриха VIII до Елизаветы I. М.: КоЛибри, 2023б.

Боргош Ю. Фома Аквинский. М.: Мысль, 1975.

Брентано Л. История хозяйственного развития Англии: в 3 т. М.: Государственное изд-во, 1930.

Бринтон К. Истоки западного образа мысли. М.: Московская школа политических исследований, 2003.

Бэкон Р. Избранное. М.: Изд-во францисканцев, 2005.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Джебб (епископ Лимерийский). Характер англиканской церкви. СПб.: Типография Уделова, 1868.

Джонсон П. История христианства. М.: Вече, 2010.

Джордж М. Генрих VIII и шесть его жен. Автобиография Генриха VIII с комментариями его шута Уилла Сомерса. СПб.: Азбука, 2023.

Дмитриева О. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI — начала XVII в. М.: Квадрига, 2021.

Канторович Э. Два тела короля. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Крылов П. Институты христианской церкви и начало модернизации в Западной Европе эпохи Средневековья. Препринт М-94/22. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.

Лютер М. Домашняя постилла. СПб.: Светоч, 2011.

Майбурд Е. Карл Маркс как революционер и экономист. Челябинск: Социум, 2022.

Мокир Д. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Монтескье Ш. О духе законов. СПб.: Азбука, 2023.

Моруа А. История Англии. М.: Азбука-Аттикус, 2022.

Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

Мюллер Д. Теория общественного выбора. СПб.: Экономическая школа, 2007.

Набоков В. Университетская поэма // Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000.

Пипс С. Домой, ужинать и в постель (из дневника). СПб.: Азбука, 2016.

Пэриш Х. Краткая история: Реформация. М.: КоЛибри, 2020.

Ротбард М. Экономическая мысль: в 2 т. Т. 1: От Античности до Адама Смита. М.; Челябинск: Социум, 2020.

Тоуни Р. Религия и подъем капитализма. М.: Дело, 2023.

Травин Д. Англия: история успеха (Россия Нового времени: выбор варианта модернизации. Доклад 1). Препринт М-67/18. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: Эксмо, 2011.

Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб.: Норма, 2016.

Усанов П. Загадка промышленной революции: какое событие вызвало промышленную революцию в Англии. Препринт М-99/23. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Царева Ю. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.

Allen R. C. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Explorations in Economic History*. 2001. Vol. 38. No. 4.

Batho G. R. The Finances of an Elizabethan Nobleman: Henry Percy, Ninth Earl of Northumberland (1564–1632) // *The Economic History Review*. New Series. 1957. Vol. 9. No. 3.

Bernard G. Tudor Government // *The Historical Journal*. 1988. Vol. 31. No. 1.

Brown E., Hopkins S. Seven Centuries of the Prices of Consumables, Compared with Builders' Wage-Rates // *Economica*, New Series. 1956. Vol. 23. No. 92.

Callis C. E. Currency and the Economy in Mid-Tudor England // *The Economic History Review*. 1972. Vol. 25. No. 2.

Calvin J. A Commentary on the Acts of the Apostles. Vol. 48. London: Institutes of the Christian Religion, 1960.

Chrimes S. B. Henry VII. London: University of California Press, 1972.

Pullen J. Malthus, Thomas Robert // The New Palgrave Dictionary of Economics. London: Palgrave Macmillan, 2018.

Wilson D. Henry VIII: Reformer and Tyrant. London: Robinson, 2009.

Павел Валерьевич Усанов

Была ли модернизация при Тюдорах?

Препринт М-103/24

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 09.02.2024.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.